

ПИСАТЕЛЬ
ЧЕРПАЕТ
МИР СВОИХ ОБРАЗОВ
В ЖИЗНИ.
ПУЛЬС ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
СЛЫШИТСЯ
В ОТТОЧЕННЫХ СТРОКАХ
ЕГО КНИГ.

Леонид Федин

Константин
ФЕДИН
и Саратовская земля

КОНСТ. ФЕДИН
**БАКУНИН
в
ДРЕЗДЕНЕ**

ЧИТАЛКА К 25 АКТУ

ПЕСНИ
УСЛАВЛЕННЫХ
КИТЕЙЩИХ
1952

Конст.ФЕДИН

РАССКАЗЫ
МНОГИХ
ЛЕТ

К.А.ФЕДИН
**ПЕРВЫЕ
РАДОСТИ**

Константин ФЕДИН

Д А В Н О
и НЕДАВНО

САНАТОРИЙ АРКТУР

Я БЫЛ АКТЕРОМ

ТИШИНА

Конст. Федин

НАРОВЧАТСКАЯ ХРОНИКА

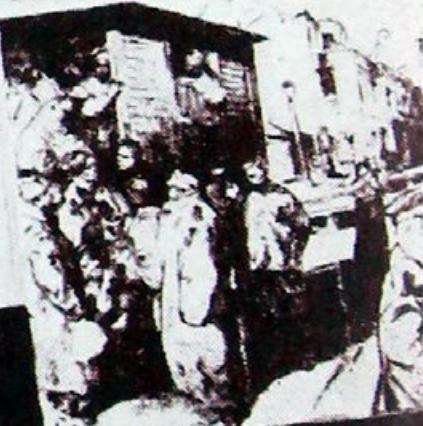
ТРАНСВААЛЬ

ПАСТУХ

СТАРИК

КОНСТ. ФЕДИН

ГОРОДА И СОДЫ БЕЛЫХ

К.А.ФЕДИН
**ПЕРВЫЕ
РАДОСТИ**

КОНСТ. ФЕДИН
Костер

НЕОБЫКНОВЕН
Л

КОНСТАНТИН ФЕДИН

П. А. Бугаенко

Константин
ФЕДИН
и Саратовская земля

*Все мое детство
от рождения в 1892 году
и ранняя юность, до 1908 года,
протекали в Саратове,
который у нас в семье
влюбленно называли
„столицей Поволжья“.*

Конст. ФЕДИН

93 48

03 91 62 5 x 8783

47 5

44 6755 490

БАЛАКОВСКИЙ
центральная библиотека

К ЧИТАТЕЛЮ

Приволжское книжное издательство выпускает серию книг, рассказывающих о замечательных людях, чья жизнь и деятельность связаны с Саратовской землей. Это книги о первопроходце космоса Юрии Гагарине, о легендарном полководце гражданской войны Чапаеве.

Наша книга тоже о герое, но герое иного фронта. Это книга о художнике слова, выдающемся советском писателе, Герое Социалистического Труда, академике Константине Александровиче Федине.

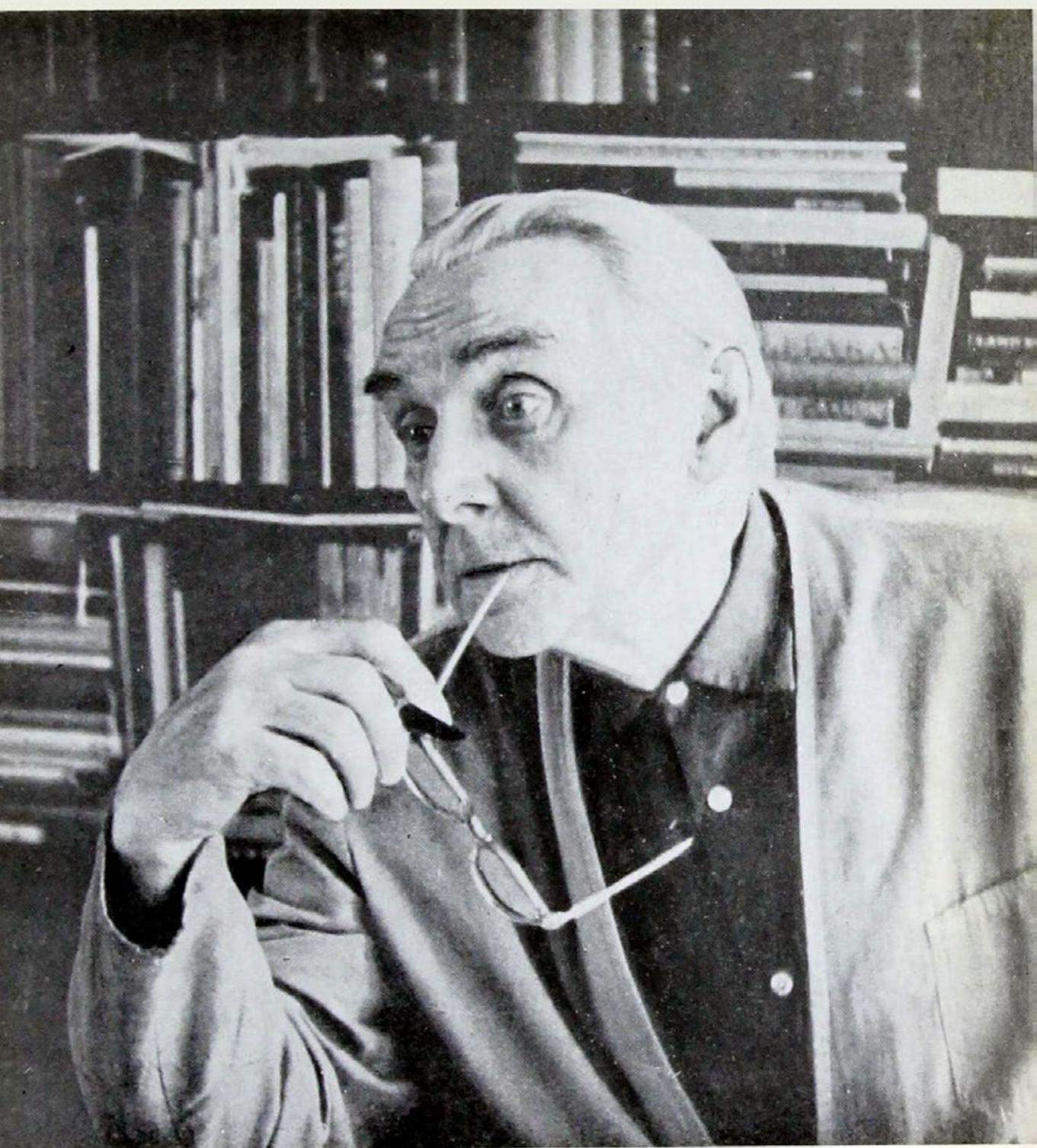
Она должна воссоздать факты биографии К. А. Федина, связанные с Саратовом, с Поволжской землей и показать, как богатые впечатления жизни породили мир художественных образов, в которых нашли прямое или несколько измененное выражение эти впечатления и переживания. Краеведение, по меткому слову Горького, стало превосходным источником народоведения.

Есть глубокий смысл в том, что мы посвящаем книги не только военным подвигам и беспредельному героизму человеческого духа, но и творческим подвигам, жизни человека, более полувека «мобилизованного и призванного» на служение своему времени и народу художественной силой образов.

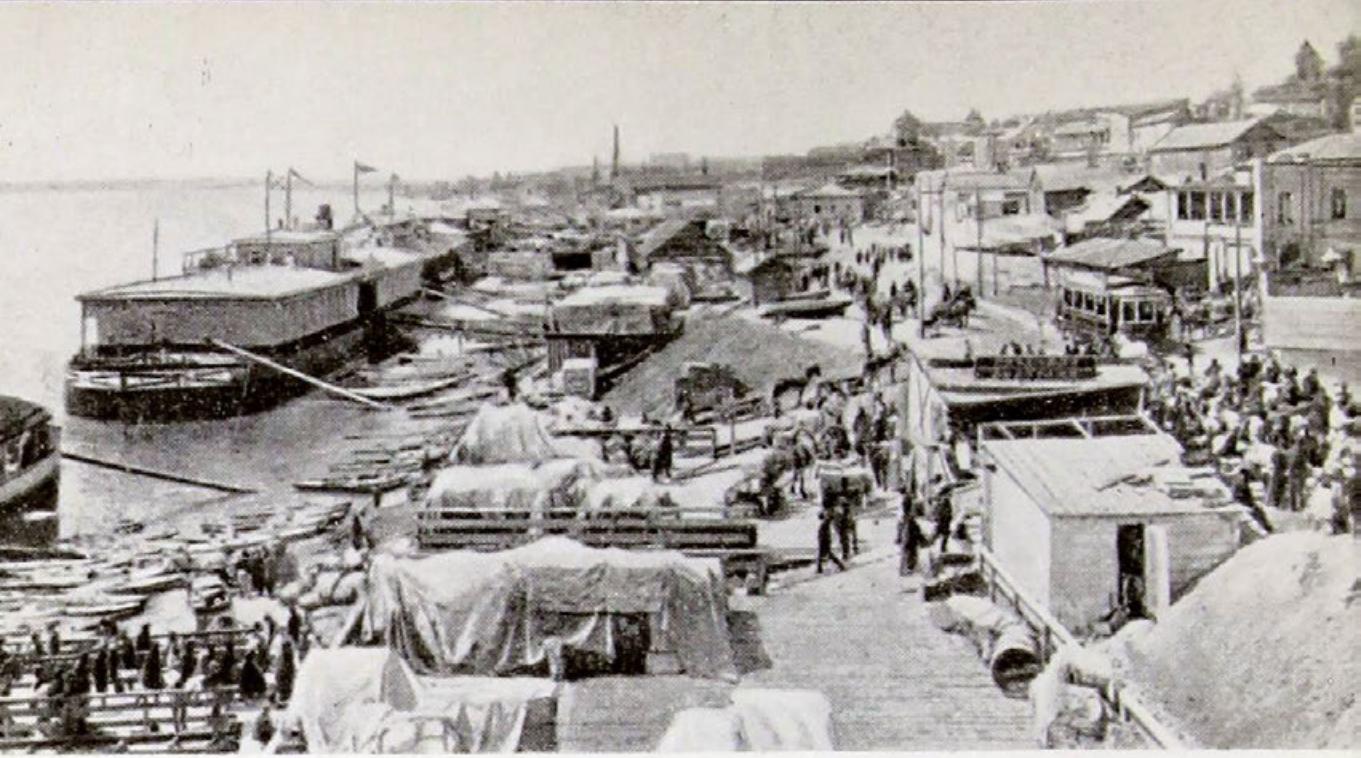
На XXV съезде КПСС в числе достижений нашей жизни названы и успехи художественного творчества, рост влияния и силы советской литературы. «Галантливое произведение литературы и искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем,— говорил на съезде Л. И. Брежнев,— что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, о его треволнениях и свершениях».

Среди таких произведений и творения К. Федина. В канун открытия XXV съезда КПСС он говорил: «Время, в которое мы живем,— это время крупных исторических событий. Таким событием станет XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза... великая партия Ленина, поистине могущественная опора всех, кто стремится к мирному созидательному труду, к светлому будущему человечества», а 23 февраля 1976 года Константин Александрович в речи по Всесоюзному телевидению подчеркнул нерушимое единство партии и народа, определил задачи литературы в новый исторический период.

Во главе советской литературы уже многие годы стоит друг и соратник М. Горького, председатель правления Союза писателей СССР, старейшина советских писателей Константин Александрович Федин. С его именем, творческой, общественно-литературной деятельностью связаны многие успехи нашей литературы.

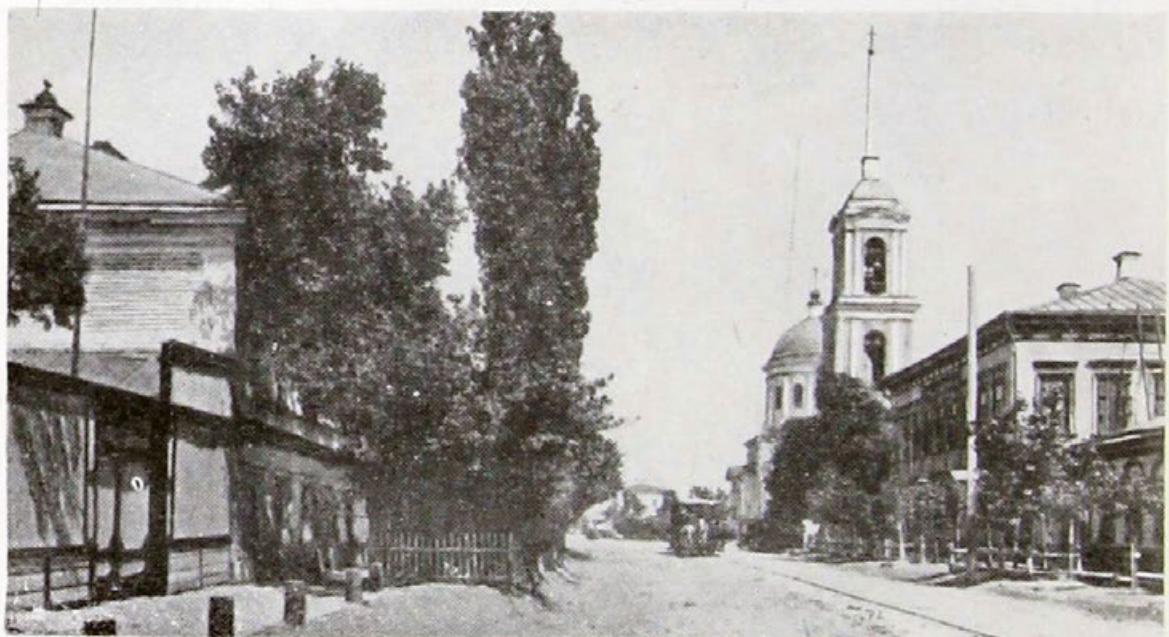

Писатель в своем рабочем кабинете в Переделкино под Москвой.

Набережная в старом Саратове с конторками пароходных обществ.

«...впечатления от Волги с ее неповоротливыми пароходами, бесконечными вереницами плотов, просмоленными рабочими дощаниками...»

«Я родился на Большой Сергиевской улице... в доме, который находился против Сергиевской церкви. Церковь эту я помню потому, что проходил мимо нее не раз, смотрел на нее снизу, то есть с берега Волги, видел ее хорошо на Большой Сергиевской улице».

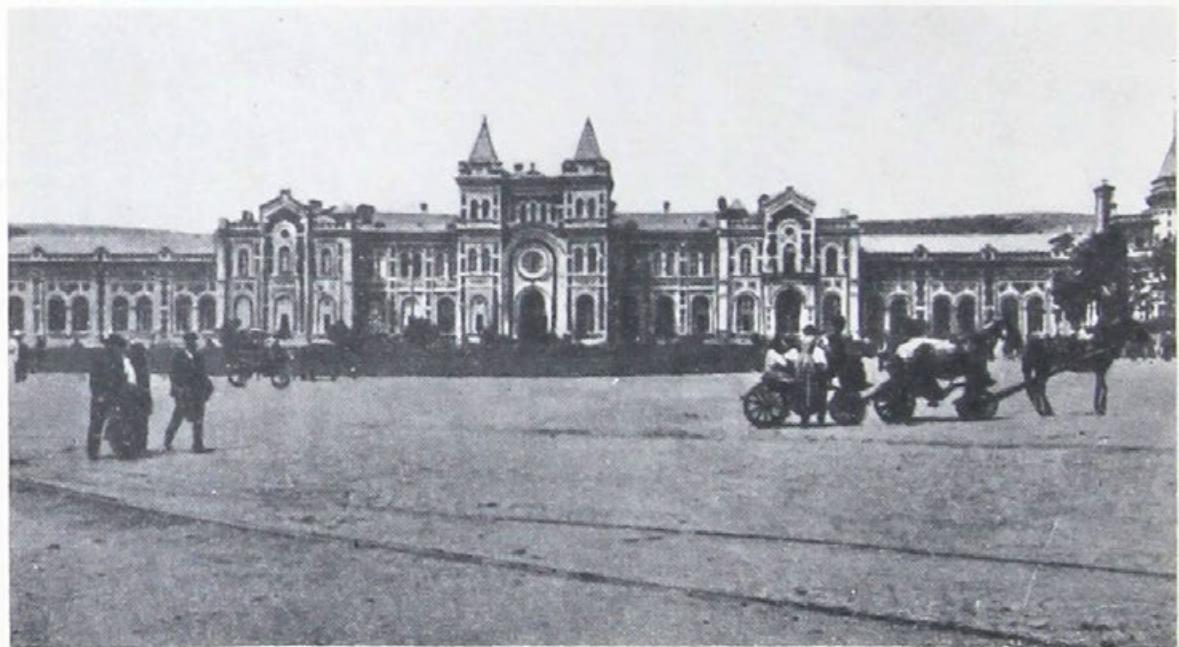
К. Федин в 1902 г.

«Учился на скрипке <...> на концертах скрипачом и чтецом выступал
<...>

Артель грузчиков на саратовской пристани.

«На земле между сваями, подпиравшими огромный пакгауз, откуда недавно ушла весенняя вода, сидели на коленях в кружок грузчики...»

Вокзал в старом Саратове.

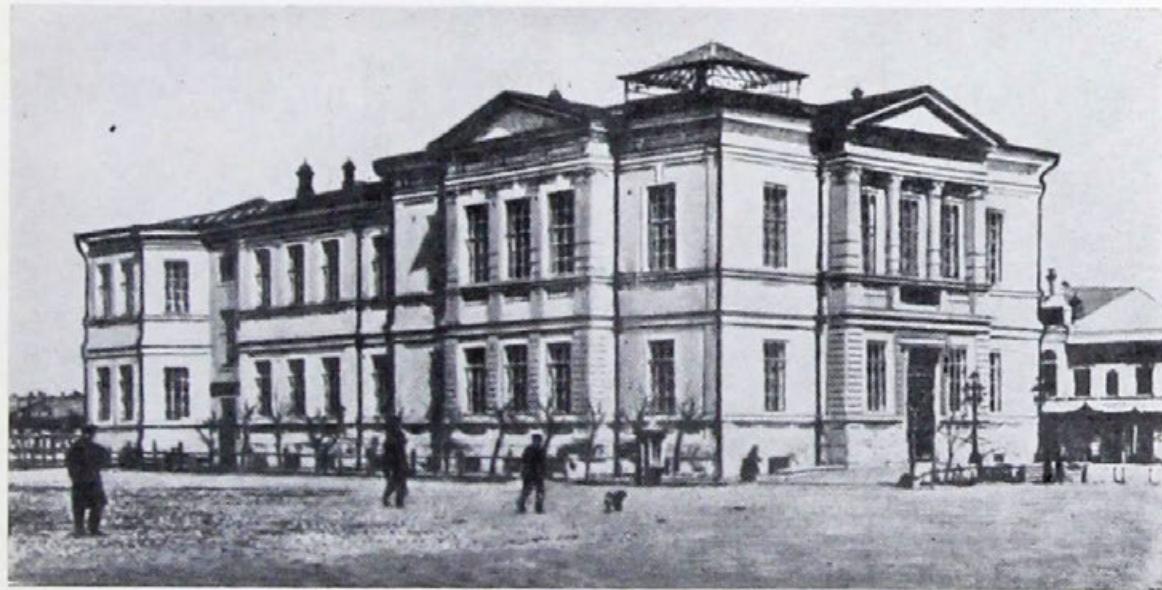
«Перед вокзалом извозчики беззвучно отъезжали от подъезда и выстраивали поодаль, в ряд своих лошадей...»

К. Федин — ученик коммерческого училища.

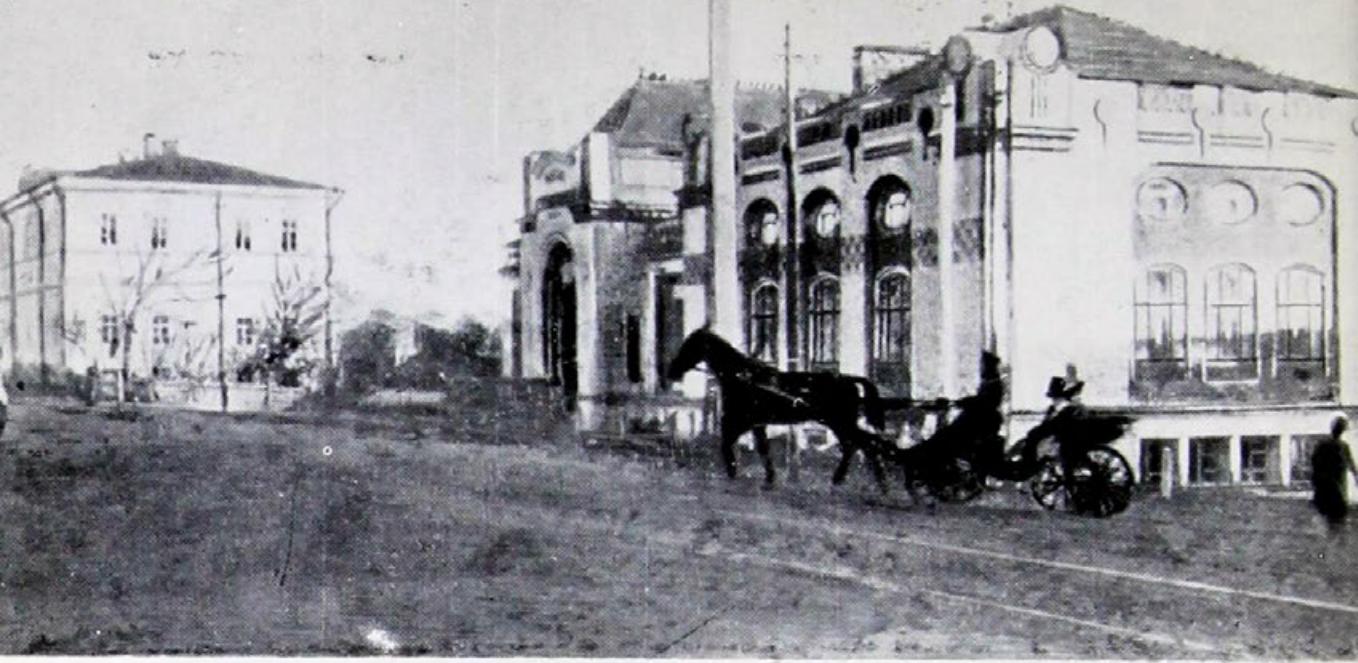
К. Федин в 1911 г.

«Коммерческое училище (саратовское)... я не любил всю жизнь — оно связано с самыми горькими переживаниями моей ранней юности».

Музей имени А. Н. Радищева.

«Здесь складывались начальные понятия о прекрасном — из картинной галереи Радищевского музея, где было много отличных русских мастеров и западных художников...»

На втором плане здания бывш. Сретенского училища

«Я здесь учился два года, узнал первую грамоту. Это было в 1899—1901 гг.»

Здание театра.

«В яркий весенний день меня, семилетнего мальчика, мать взяла за руку и повела на большую городскую площадь... Вдалеке стоял громадный дом с длинным балконом... Это было в день столетия со дня рождения Пушкина, в 1899 году, в городе Саратове, на Театральной площади».

*К. Федин — студент Московского коммерческого института,
1912 г.*

«В далеком прошлом я был студентом экономического отделения Московского коммерческого института <...>»

«Липки», цветник.

«...были веселыми в юношеские годы посещения самых прославленных в Саратове «Липок» <...> Мы прогуливались из конца в конец «Липок»... ходили мимо павильонов, разукрашенных деревянной резьбой, доходили до цветников...»

Александра Александровна Солонина — сестра К. А. Федина.

«Она была первым моим доверительным слушателем, да таким и оставалась на всю жизнь <...> Она мне была нежнейшим и умнейшим другом, и любовь моя к ней стала со временем не меньше, а больше...»

«Смурский пер. 1905—1908 гг. Достопамятные мои отроческие драмы: два побега, брошенное ученье, магазин «и все такое прочее». Но и путешествия по Волге, первые увлечения. И первые «книги жизни» (Лермонтов!).

Дом № 13 в Смурском переулке.

Дом № 56 по улице Кутякова.

«Самым дорогим домом в Саратове остается для меня дом на Цыганской, где умерли отец, мать, сестра и где я чувствовал себя последний раз «дома» в 31 году, когда — увы! — хоронил сестру».

«В 1920 г. в Петербурге познакомился с М. Горьким. Он сделал для меня неизмеримо много».

М. Горький и К. Федин.

Здание коммерческого училища (ныне институт механизации сельского хозяйства имени М. И. Калинина).

«Я поступил в коммерческое училище. Память об учении в нем сохранила мало хорошего».

Приезд К. А. Федина в Саратов в 1966 г.

Вновь на родной земле...

К. А. Федин и С. П. Щипачев с Ю. А. Гагариным и группой писателей в Центральном Доме литераторов.

«Быть или не быть?»
«Возможен ли путь к социализму?»
«Мы хотим, чтобы наша страна...»

ОТКЛИКИ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ
ПРОЛЕТАРСКИЙ
ОГЛАШЕННЫЙ
ЛITERATURЫ
ИСКУССТВА
ПОЛИТИКИ
НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Соколов. В. Воронин.	Симонов.
С. Никольский. А. Марин.	
С. Аксентьев. Б. Кривошеин. Юрий С. Ольминский. Юрий Капитонов.	
С. Аксентьев. Юрий С. Ольминский. Юрий Капитонов.	Юрий Капитонов.
Юрий Капитонов.	Юрий Капитонов.

№ 7 10 мая 1919.

СКАЗКА
ЧЕРЕЗ ЧЕХОСЛОВАКСКОЕ СЪЕЗДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ

Журнал «Отклики» — орган Сызранского уездного отдела народного образования. 1919 г.

«...Я чрезвычайно рад, что мне <...> выпало на долю самостоятельно создать журнал, и я имею возможность приступить и вести дело так, чтобы оно приносило пользу и служило просвещению и культуре. Задача огромная, и я берусь за нее с любовью».

К. А. Федин на встрече со студентами и преподавателями филологического факультета университета 7 октября 1966 г.

«Один из важнейших культурных центров Поволжья — Саратовский университет имени Чернышевского. В моих планах встреча со студентами и преподавателями этого высшего учебного заведения, давшего стране много выдающихся ученых».

«Что важно: не преувеличивать значение факта (где жил? что видел?) для художественного воплощения замысла. Но факт должен быть сам по себе точен».

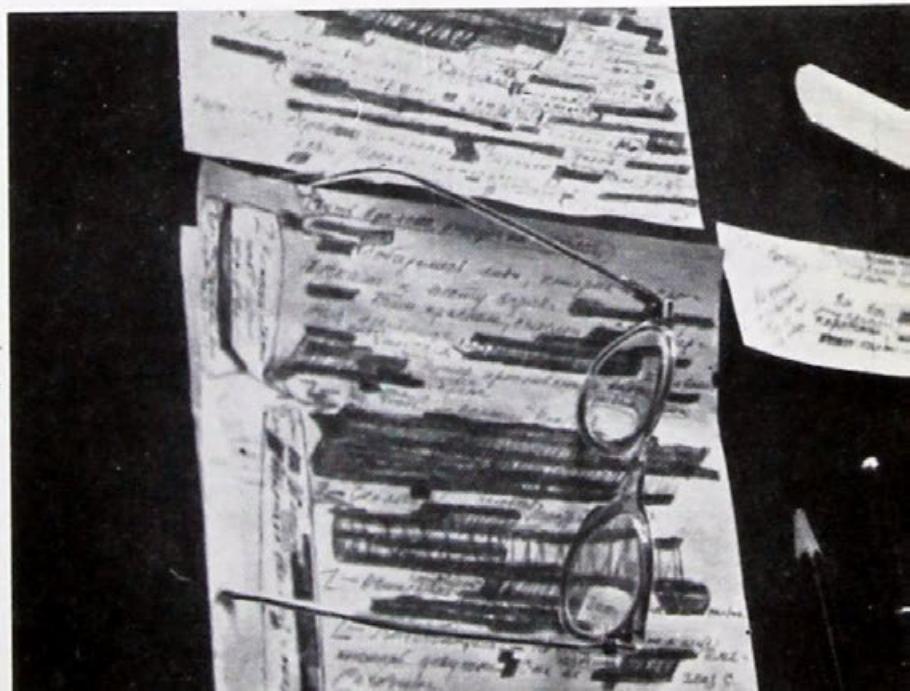
Беседа К. А. Федина с автором книги в октябре 1966 г. на даче в Октябрьском ущелье.

К. А. Федин отвечает на приветствия и пожелания к 80-летию со дня его рождения. Рядом с ним — Л. М. Леонов и Г. М. Марков.

На даче в Октябрьском ущелье близ Саратова в октябре 1966 г. К. А. Федин работал над романом «Костер».

Страницы рукописи романа с правкой писателя.

П. А. Бугаенко

Константин
ФЕДИН
и Саратовская
земля

Приволжское
книжное издательство
Саратов 1977

Детство и юность в родном городе

24 февраля 1892 года в маленьком дворовом флигельке по Большой Сергиевской улице Саратова в семье служащего писчебумажного магазина родился сын Костя. «Я родился на Большой Сергиевской улице. Это говорила мне моя мать, в доме, который находился против Сергиевской церкви. Церковь эту я помню потому, что проходил мимо нее не раз, смотрел на нее снизу, то есть с берега Волги, видел ее хорошо на Большой Сергиевской улице. Но следов того домика я не видел, мама говорила, что он как-то исчез: то ли он завалился, то ли он сгорел», — вспоминал писатель в 1959 году¹.

Родители Кости Федина были людьми небогатыми, часто меняли квартиры, желая получше устроиться. Как правило, это были маленькие, приземистые флигельки, сравнительно недалеко от Волги.

В письме к Г. В. Рассохину 13 ноября 1964 года Константин Александрович сообщал «топографию» мест, где жила семья Фединых: «Мне сейчас забавным показалось вспомнить, наконец, все наши квартирки и «флигельки», в которых семья то ютилась, то «проживала» в Саратове со времени появления моего на свет.

Отец, Александр Ерофеевич, как видно, следовал мудрой пословице: рыба ищет где глубже, человек — где лучше. До 50 лет он все искал, пока не выстроил себе дома и либо утешился, либо уж — с войною — стало не до поисков.

Так вот. Со слов матери знаю, что родился в дворовом флигеле где-то напротив (и чуть наискосок) церкви Сергия, в коей был крещен. И это, значит, первый адрес.

1) Большая Сергиевская.

2) Плац-парад. Самая ранняя память, но стертая.

3) Белоглинская. Тоже помнятся один-два случая. Не уверен даже — не Угодникова ли улица? Но где-то неподалеку от плац-парада.

Далее идут воспоминания точные:

4) Царицынская ул. (между М. Сергиевской и Полицейской). Тут множество картин, событий, приключений. Отсюда пошел в

училище. Здесь начал «тянуть смычок». Годы с 1897—98-го (приблизительно) до 1901 (точно).

5) Ильинская, близ Константиновской, дом Загрекова. Это годы 1901—1903 (или 1904)...

6) Малая Казачья ул. 1904—1905 гг., не больше года.

7) Смурский пер. 1905—1908 гг. Достопамятные мои отроческие драмы: два побега, брошенное ученье, магазин «и все такое прочее». Но и путешествия по Волге, первые увлечения. И первые «книги жизни» (Лермонтов!).

8) Московская ул., близ Ильинской, 1908—1909 гг. Отсюда отъезд в Козлов и с этих лет Саратов только наездами.

9) Соборная ул., ниже Московской, 1910—1911 гг.

10) Ильинская ул., против Цирка. 1911—1913 гг. Лето 1911—я уже студент.

Этим летом я — один «за хозяина» дома и в магазине (отец и мать уезжают...). Потом приезд Шуры*, и я с нею в большом плавании — до Астрахани, оттуда в Нижний и назад в Саратов.

11) Цыганская ул. — переезд в отстроенный дом летом 1913 года. Я с отцом один, новосельничаем,— мама на даче в Поливановке².

Так обстоятельно и точно расписал Константин Александрович двадцатилетние странствования семьи.

В первозданном виде теперь от этих «флигельков», дворов и домиков сохранились лишь дома в Смурском переулке и по улице Кутякова. Остальные улицы не только переменили названия, но весьма изменили облик, уже не напоминающий старый Саратов.

В письме к автору книги Федин писал 20 августа 1950 года: «После моего рождения семья меняла много квартир, пока в 1905 году отец не купил дом в Смурском переулке, где мы прожили до лета 1908 года»³.

В старом Саратове, на кривых улицах и пыльных дворах, вблизи Волги и подальше от нее и прошли детские и ранние отроческие годы будущего писателя.

В конце прошлого века Саратов был уже большим торгово-промышленным городом, центром огромного сельскохозяйственного степного края Поволжья. В год рождения Федина в Саратове было 120 тысяч жителей. Глебучев овраг, Монастырская слобода, вокзал и открытая в 1870 году железная дорога, кожевенный завод ограничивали большой многоугольник, на котором располагался город.

Все тянулось к Волге, она была и поилицей, и кормилицей,

* Александра Александровна Солонина — сестра К. А. Федина.

и главной достопримечательностью Саратова. По ней ходили пассажирские пароходы, плыли дощаники, плоты, лодки, у набережной стояли «конторки» пароходных обществ «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «Русь». Сама набережная была пыльной, грязной, у пристаней завалена всячими товарами. Вдоль нее шла «Миллионная улица» с жалкими домишками бедноты, прозванная так словно в насмешку. Вот какие впечатления детства на Волге запали в сознание Кости Федина.

Среди волжских городов того времени Саратов имел славу благоустроенного и культурного города, который в семье Федина горделиво именовали «столицей Поволжья». Около 60 километров мощенных улиц, свыше 1,5 тысячи уличных фонарей, водоразборные колонки, двух- и трехэтажные дома помещиков и купцов. Среди архитектурных достопримечательностей Саратова так называемый «Корнилов дом» (ныне дом на углу проспекта Ленина и улицы Чернышевского), на южной окраине — «Институтская», или «Парусиновая», роща. В центре города раскинулся сад «Липки». В городе уже было 69 школ, в которых обучалось свыше 7 тысяч учащихся, городская библиотека с 20 тысячами книг, в 1873 году были открыты музыкальные классы.

Славой и украшением города был основанный в 1885 году внуком А. Н. Радищева А. П. Боголюбовым художественный музей имени Радищева. В городском театре играли местные актеры, выступали именитые гастролеры. Саратовский историк С. Краснодубровский в 1891 году с гордостью писал: «В России есть только три города, которые по быстроте своего развития превосходят Саратов,— это Петербург, Одесса и Харьков. Саратову принадлежит четвертое место»⁴.

На Большой Сергиевской улице в старинном здании, относящемся к XVIII веку, находилось Сретенское начальное училище (ныне улица Чернышевского, дом № 154). «Я здесь учился два года, узнал первую грамоту. Это было в 1899—1901 гг., — писал Федин автору работы.— Учительница, которая вела мой класс, проживала в полуподвальном этаже, два крайних окна справа (по улице Чернышевского). Все три класса помещались в верхнем этаже.

Но дом я знал гораздо раньше, чем пошел в классы, потому что в училище преподавал дядя моей матери и мой крестный отец Семен Иванович Машков (...). К Машковым (они были бездетны) семья наша ходила довольно часто, конечно, обычно по праздникам. Меня водили к ним с самого раннего детства — я помню себя здесь и 3- и 4-летним, т. е. примерно с 1895 года. Это была самая культурная семья из всех наших близких и знакомых, ее у нас глубоко почитали, и Семен Иванович имел боль-

шой авторитет образованного и достойнейшего человека даже в глазах моего отца — человека весьма сварливого. Моя мать воспитывалась Машковыми, жила у них в девичестве до выхода замуж за моего отца. (...) Я очень много почерпнул в доме Машковых в свои отроческие годы и юные годы — главным образом в отношении нравственных представлений: что-то удивительно чистое, прямое, честное, любовное и строгое было в этой паре — учителя и его жены»⁵. Строгий, богомольный, суровый отец, мягкая, любящая, но робкая мать, весь уклад домашней жизни, подчиненный расчету, действовал на мальчика удручающе. И вот две отрады: Волга-красавица, Волга-трудяга, с тысячами кишащих на ее берегах людей, с сутолокой и толчеей, и большая, уютно обставленная квартира учителя Машкова, которую посещали студенты и гимназисты, разговоры и споры которых слушал и маленький Костя. Позже в понятие о красоте вливались впечатления «из картинной галереи Радищевского Музея, где было много отличных русских мастеров и западных художников-барбизонцев, собранных известным Боголюбовым; из школьных спектаклей, в которых участвовал и я; из драматических и оперных театров; из уроков на скрипке...»⁶.

С 1905 года Федины утвердились в доме № 13 по Смурскому переулку. Этот дом, и ныне сохранившийся в переулке с тем же названием, весьма знаменателен в биографии Федина. В цитированном выше письме он сообщает: «Из этого дома я совершил побег в Москву, когда мне было почти 16 лет, в декабре 1907 года... боковая дверь, выходящая во двор (тогда впритык к углу до нее шел забор с воротами и калиткой на улицу). Через эту дверь, спустившись из коридора, я удрал в момент, когда мать находилась внизу, на кухне... Мы занимали весь верх. Моя комната — крайнее левое окно наверху. «Парадная» дверь относилась к нашей квартире, т. е. так же, как боковая дворовая дверь, вела на лестницу в коридор. Уходя из дома, я оставил боковую дверь незапертой, а только притворил ее. Чтобы мать случайно не увидела меня через кухонные окна, я, выйдя через калитку на улицу, пошел налево, к Нижней улице. Происходило это часу в одиннадцатом утра... Я сейчас все это вижу, как преступник, которого потянуло к месту злодеяния...»⁷

Этот отчаянный поступок передает протест юноши против душной, домостроевской атмосферы, царившей в доме.

С этим домом связаны и первые впечатления событий 1905 года в Саратове, ожившие потом в романе «Братья». «Легко допустить, что Никита Карев в «Братьях» глядел через это окно, когда в 1905 году погромщики избивали на углу Нижней поляка, которого потом какая-то женщина вела по улице к водоразбор-

шой будке, стоявшей на углу Смурского и Староострожной»⁹. Через это окно глядел на страшный мир Смурского переулка тринадцатилетний Костя Федин.

«Это был дом, откуда я наблюдал события 1905 года. Частично они отразились в книгах моих, особенно в «Братьях», где описан погром, имевший место тогда. Это выступление черносотенцев и сопротивление организованной рабочей бригады, небольшого рабочего коллектива. Все это я видел изумленным взглядом мальчика, пораженного испугом. События были жестокие. Но все же вместе с этим впечатлением тяжести была какая-то особая музыка чувства, музыка надежд, неясная, непонятная, но очень влекущая к себе», — так через полвека вспомнил писатель свои ощущения событий революции 1905 года⁹.

В этом доме по настоянию отца Костя учился игре на скрипке. «В городе учился на скрипке... на концертах скрипачом и чтецом выступал... погромы с матерью в погребе отсиживал... своего учителя скрипача (Гольдмана) в кухне под лестницу спрятал и луком прикрыл — никогда не забуду», — писал К. А. Федин в автобиографии, опубликованной в 1922 году¹⁰.

Отец не только заставлял играть на скрипке, он мечталпустить сына «по коммерции», в 1901 году отдал учиться в Коммерческое училище, а летом ставил за прилавок в своем маленьком писчебумажном магазине. «Коммерческое училище» на Константиновской улице (ныне здание института механизации сельского хозяйства имени М. И. Калинина) я не любил всю жизнь — оно связано с самыми горькими переживаниями моей ранней юности»¹¹.

Жизнь давала мальчику и свои «первые радости»: «Любил я Волгу, пристани, пароходы, горы, «бараки» да улицы, где играл и озорничал с товарищами... Вот как раз сегодня встретил мальчуганов, которые «гоняют» по обледеневшим дорогам на коньках, вспомнил — какое это было физическое наслаждение нестись на коньках по утоптанному снегу тротуаров Смурского переулка, свернуть лихо за угол на Нижнюю и мчаться дальше к Кукуевскому переулку... Или играть в «козны», «подстенку» либо в «плиту» на том же Смурском. Всего этого не восстановит никакой фотограф, кроме единственного изумительного фотографа, превосходящего все человеческие изобретения: кроме памяти», — писал мне К. А. Федин 7 декабря 1951 года¹².

Детские и ранние юношеские годы Константина Федина проходили в старом Саратове в сложной общественной обстановке.

Да, это был типичный большой губернский город, город «сарпинки» и «мучных королей», пыльный, душный и унылый...

Но ведь это был и город на великой русской реке Волге, ко-

торый принимал Разина и Пугачева, вокруг которого в шестидесятые и семидесятые годы полыхали мужицкие «картофельные» и «холерные» бунты, усмиряемые «мелкой пушкой и ружьем», город Николая Чернышевского и Павла Яблочкива.

Федин рассказывал, что отец, придя в хорошее настроение, вспоминал, как Чернышевский приходил в магазин за писчей бумагой, на которой «переводил немца Вебера». В этом городе сильных духом и свободолюбивых волгарей в 1905 году поднялись на борьбу с царизмом железнодорожники, металлисты, мукомолы.

«Осенью 1905 года мне еще не исполнилось 14 лет, но я был охвачен общим возбуждением; вместе со всем классом участвовал в ученической забастовке, ходил с товарищами в 1-ю гимназию (где с лишним полвека назад преподавал Чернышевский) — «снимать с занятий» гимназистов; убегал дворами от оцепивших гимназию казаков. Отец смотрел на мое поведение как на опасное озорство...»¹³

Дома было нелегко... Отец Александр Ерофеевич был родом из пензенских мест, сын крепостного крестьянина, служил «мальчиком», затем приказчиком у купцов и под конец стал сам владельцем писчебумажного магазина. «Он был самоучкой, до женитьбы пробовал писать стихи и всю жизнь имел слабость к немудрящей рифме, собирая религиозные книги, любил церковность... Быт был строгий, заведенный отцом раз навсегда, как календарь. Во всем ощущалось принуждение»¹⁴.

Конфликт с отцом нарастал. Тихий, скромный Костя оказался неподатливым. Планы отца вырастить собственное подобие «коммерсанта», только покрупнее, терпели крах. Свообразным протестом стали побеги из родного дома.

Писатель так вспоминал эти отчаянные проявления ранней юности: «Бежал в Москву, где меня отец и разыскал. Эта история, которая очень поучительна, мне самому представляется очень важным этапом в моем юношеском изначальном бытии. Как-то я все не сберусь это сделать, описать эту трагическую историю бегства из дома родительского, бог знает куда: к приятелю, в подвал какой-то московский. Такая есть улица, она жива и до сих пор — Большая Кисловка. Вот оттуда-то меня, к счастью, мой отец вытащил в Саратов, увез домой...

Летом 1908 года я сделал еще попытку бегства на лодке вниз по Волге, но не довел отчаянного предприятия до конца...»¹⁵

В этих сложных общественных и семейных отношениях формировался характер будущего писателя, оттачивалось и накрепко укладывалось в «кладовую памяти» его восприятие сложного и противоречивого мира. Саратовский период — первые 16—

17 лет жизни был необычно важным в формировании духовного облика юноши, в освоении им первых уроков жизни. Не знал тогда юноша мудрых слов Горького: «Человека создает его сопротивление неблагоприятным условиям жизни», но, кажется, следовал им в своей ранней жизни.

Отец вернул беглеца из подвалной комнаты на Кисловке в родительский дом. Кто знает, какие трудные разговоры шли между сыном и отцом? Отец настоял на своем — продолжать учение в Коммерческом училище, сын — на своем. Сошлись на глубоко провинциальном Козлове. Осенью 1908 года Константин впервые на длительное время покидает Саратов... Но жизнь сложилась так, что, по существу, это было прощанием с родными местами.

В последующем Константин Федин приезжал в родной город уже на сравнительно короткие сроки. Это были каникулы студента Московского коммерческого института, летом 1914 года, накануне первой мировой войны, он уехал в Германию для изучения все той же «коммерции» и совершенствования в немецком языке. Сам факт этого отъезда — свидетельство политической наивности отца, отправившего юношу в накаленную атмосферу Европы лета 1914 года. Четыре долгих года провел Федин в Германии на положении гражданского пленного, и только осенью 1918 года он вновь в родном городе.

Федин возвращается в революционный Саратов. Всматривается в знакомый облик города: улицы, переулки, площади и «взвозы», дома и хибары — все осталось прежним, но город стал иным... И этот новый город, новые порядки властно захватили молодого человека.

Семья жила уже на новом месте в сравнительно большом двухэтажном кирпичном доме, который выстроил отец незадолго до революции (это уже результат удачливости коммерсанта Александра Ерофеевича Федина). «Самым дорогим домом в Саратове остается для меня дом на Цыганской, где умерли отец, мать, сестра и где я чувствовал себя последний раз «дома» в 31 году, когда — увы! — хоронил сестру»¹⁶. (Ныне дом № 56 сохранился по улице Кутякова).

После краткого периода работы в Москве в Наркомпросе на вполне канцелярской должности Федин вновь на Волге, только теперь не в сравнительно большом Саратове, а в маленькой Сызрани. 1918—1919 годы — важнейшее время в формировании Федина как человека и писателя. Где-то недоумение, где-то сомнение и восторг перед новыми порядками на Родине сменились стремлением работать на революцию. В Сызрани К. А. Федин работает секретарем уездного исполкома, редактирует местный

Журнал «Отклики». «В Сызрани протекла моя революция,— вспоминал он.— Я говорил речи в Пролеткульте, с балконов, в исполкоме, в театре, на площадях... Я основал журнал и из кожи лез, чтобы в нем писали мужики. Я редактировал газету, был лектором, учителем, секретарем городского исполкома, агитатором. Собирал добровольцев в красную конницу. Этот год— лучший мой год. Этот год — мой пафос»¹⁷.

В 1919 году с группой мобилизованных коммунистов Федин отправляется на защиту красного Петрограда. В биографии появляется Петроград, ставший для него второй родиной. В родные места молодой писатель теперь только наезжал, но довольно часто. Целая вереница годов: 1919, 1921, 1923, 1924, 1928, 1931, 1939, 1942, 1949, 1956, 1966, когда Федин бывал в родном городе. По его убеждению, «в родном городе не только легче дышится, но и лучше работается». Здесь он весной 1928 года закончил роман «Братья», а осенью 1959 и 1966-го создавал новые главы романа «Костер». На примере Саратова воочию убеждался писатель в преображении родной земли. В 1930 году в предисловии к повести «Старик» он писал: «В раннем детстве моем иногда слушал я разговоры о старине, и из небытия, из совершенной пустоты, из какого-то темного, зияющего «ничто» возникало настоящее... Часто речь велась о старом Саратове — городе, которого давно не было и который странно жил где-то тут же, бок о бок с моей маленькой жизнью. Саратов — моя родина. Задолго до моего рождения город начал расти, уходить в сторону от того места, где когда-то закладывалась его судьба. Но старые стены все еще сохранились, улицы носили прежние названия, и вдруг, с неожиданной ясностью, почти до испуга осозаемо, я прикасался к прошлому...»¹⁸

С каждым приездом видел писатель черты и приметы нового в родном городе. В годы предвоенных пятилеток на южной окраине города, там, где когда-то были сады и бахчи, места набегов городских мальчуганов, в том числе и Кости Федина, возникал новый индустриальный район, кварталы жилых домов на новых улицах и проспектах.

После посещения Саратова в 1940 году Федин публикует рассказ «Встреча с прошлым» («Литературная газета», № 35). Его внимание по-прежнему привлекали «старые, родные закоулки», места, где прошли детство и юность, но в глаза бросались неудержимые приметы нового. Строился социалистический Саратов, город могучей индустрии, крупнейший культурный центр Поволжья. Писатель видит теперь два города на том месте, где был один только старый Саратов. «Два города стояли на том месте, где был один. Когда-то безмолвное пространство бахчей,

струйчато уплывавшее в даль Волги и заслоненное с запада горами в садах и рощах, исчезло. Заводы, улицы, дороги, опять заводы и опять улицы. Перекликаются сиплым покашливанием автомобили, осторожно садится на аэродром поблескивающий самолет. По сторонам все взрыто, поднято, перевернуто, раскидано, свалено, нагромождено. Черные, плодолюбивые слои огородной и бахчевой земли горько поглядывают из-под куч, из-под гор и горищ бесплодного рыжего глинозема. Но оторвешь от земли взгляд и видишь на слегка задымленном неярком небе очертания башен, вышек, мостиков, — рисунок странного мира, явившийся словно из геологических недр и опрокинувшего прежнюю, заросшую всякой всячиной поверхность в яму небытия»¹⁹.

Мне довелось сопровождать Федина в его поездках по городу в последние приезды: «...меня влекли к себе старые родные закоулки. Что сохранилось, чего не стало, какие появились люди и каково дышится на улицах, где мне бывало так душно и где я даже воробьям завидовал как счастливцам»²⁰.

Он обязательно бывал в доме № 13 в Смурском переулке, с интересом беседовал с его жильцами, в доме по улице Кутякова, в доме Чернышевского, навещал могилы родителей на Воскресенском кладбище. Но с каким вниманием он осматривал новую набережную Саратова, на мосту вышел из машины, стоял у перил, всматривался в волжскую даль, блестевшие глаза выдавали волнение. Как похожа и вместе с тем непохожа была новая Волга на прежнюю, как изменился, вырос и похорошел родной и любимый город.

В рабочем кабинете писателя, у его письменного стола висит акварель, изображающая кусок старого Саратова,— Никольская улица (ныне улица Радищева).

В день рождения писателя на даче в Переделкино собрались близкие и друзья, один из присутствующих говорил о том, что в конце прошлого века на планете Земля родился мальчик, которому суждено было стать выдающимся русским советским писателем... Тут же поднимается Константин Александрович и энергично поправляет оратора — это было не вообще на планете Земля, а на берегах великой русской реки Волги, в старом русском городе Саратове, который у нас в семье любовно называли «столицей Поволжья». И тогда, 24 февраля 1974 года, и во время других встреч Константин Александрович высказывал горячее желание вновь и вновь побывать в родном городе, увидеть дорогие и памятные ему места...

Родной город отвечает своему верному сыну горячей любовью и признательностью. Константин Федин вместе с Юрием Гагарным был избран Почетным гражданином нашего города.

Связи писателя Федина с Саратовом

Родные места — это не только те, где родился и вырос, это места, к которым навсегда, накрепко прикипела «душа», к которым постоянно возвращаются думы и не ослабевает интерес.

Юношой покинул Федин родной город, к концу 30-х годов ушли из жизни мать, отец, единственная сестра...

В Саратове живет его племянник, журналист Г. В. Рассохин. Он не просто родственник, но и хранитель фединских родовых традиций в Саратове. Г. В. Рассохин привел в порядок, бережно хранит и умело использует семейный фединский архив: подлинники писем Константина Александровича к родителям, его содержательную переписку с сестрой А. А. Солониной, первые издания ранних произведений писателя, комплект сызранского журнала «Отклики», фотографии Саратова «фединских времен», переписка с самим «хранителем архива».

Так сохранился и продолжает действовать и пополняться этот семейный канал связи писателя с родным городом.

Большой фактический материал, рисующий и документирующий важные подробности творческой биографии раннего Федина, дает переписка с сестрой.

Он поверял сестре свои мысли и сомнения, делился с нею литературными замыслами, рассказывал о знакомствах с литераторами, о своих первых успехах. Опубликованные Г. В. Рассохиным письма К. А. Федина к сестре помогают уточнить некоторые факты биографии писателя. Под впечатлением первой встречи с А. М. Горьким Федин пишет сестре 2 марта 1920 года: «Дорогая моя! С тобой первой и единственной спешу я поделиться счастьем, наконец-то улыбнувшимся мне. Десять лет мечтаний, любовной работы, то подымавшей меня на гребень надежд, то бросавшей в пропасть сомнений, десять лет привязанности и боготворения искусства писать не прошли бесплодно. Я не ошибся в себе, как в писателе, не заблуждался, неизменно веря, что мое призвание — перо. Но это была только вера. Теперь же хочется сказать — ныне отпущаешь... Этап борьбы с самим собою, этап терзаний, о которых знал только я один — никто больше,—

остался позади меня. Вера сменилась уверенностью, знанием, убеждением. Все мое будущее зависит теперь исключительно от меня — моей работоспособности, настойчивости, упорства, так как пути мне открыты... Я спешу, тороплюсь, как эти последние дни, полные неожиданно большого, громадного, подавляющего.

Потому — очень кратко.

С месяц т тому назад через одну знакомую мне удалось передать письмо, рукопись рассказа, написанного здесь — в Петербурге, и отиски двух вещей (премированного рассказа и одной статьи) Максиму Горькому. Через две недели после этого я получил приглашение от Горького прийти к нему. Однако это свидание, вследствие отъезда Горького в Москву, не состоялось. И только 25 февраля (представь, это был день моего рождения!) я встретился и познакомился с Алексеем Максимовичем. Родная моя! Я верил в себя, знал, что я — не рядовой борзописец, надеялся на хороший прием. Но то, что я пережил, превзошло все мои ожидания. М. Горький принял меня как друга, больше того — как писателя. То, что я услышал от него о своих работах, захлестнуло меня неожиданностью. Это была критика, с какою подходит мастер к... мастеру, разбор, который, при всей своей нещадности, говорит почти исключительно за, и ничего против! «Вы можете писать... можете. И я боюсь сказать... Но все зависит всецело от вас...» Но, Шура, разве можно передать словами то, что было сказано взором, улыбками, лицом, движениями?! Когда я вышел из его кабинета, у меня закружилась голова. Это был не просто «успех», «удача». Это был триумф... Чтобы не порвать со мною связи, Алексей Максимович дал мне определенное задание (драматический этюд из истории культуры), оставил за мной право свободного выбора темы и разработки ее. И просил бывать у него... запросто, заходить поговорить, побеседовать...»²¹

Обширная выдержка из письма, сохранившегося в архиве Г. В. Рассохина, не только точно воспроизводит обстоятельства первой встречи Федина с Горьким, то громадное значение, которое она имела в творческой судьбе писателя, но и привлекательный образ адресата — сестры писателя. Александра Александровна Солонина была для него чутким, любящим, верящим в его талант, искренним другом. Ее смерть в 1931 году была большой утратой для К. А. Федина.

Многогранны общественные связи писателя с родными местами. Каждый раз, приезжая в наш город, он не только посещает близкие его сердцу памятные места, но и встречается с друзьями, выступает перед читателями, публикуется в местной

прессе. На страницах саратовских газет, как правило, освещались приезды К. А. Федина в Саратов.

31 января 1923 года «Саратовские известия» помещают заметку «В «Лито»: «В субботу в заседании «Лито» кульпросвета Союза Рабис делал доклад приехавший из Петрограда беллетрист К. А. Федин (саратовец по происхождению). Докладчик обрисовал деятельность петроградских поэтов, беллетристов и критиков, а также разного рода литературных кружков. Больше всего он остановился на работе так называемых «Серапионовых братьев», которых при различии их во многих отношениях объединяет одно требование: сюжета.

В отличие от многих современных писателей (например, Пильняка, Всеволода Иванова), пренебрегающих сюжетом и изображающих современную русскую жизнь в формах текучих, почти бесконтурных, серапионовцы настаивают на сюжете ясном, четком, занимательном, даже «авантюрном». Кроме того, их работы отмечены «вещностью» — отсутствием переживаний. Докладчик тоже («серапионовец») характеризовал каждого из наиболее видных «серапионовых братьев», а затем прочитал выдержки из своей новой большой, приготовленной уже для печати повести из современной жизни».

Не всегда так объективно и доброжелательно оценивала местная печать творчество молодого писателя. 6 мая 1924 года в той же газете Степан Дальний писал: «30 апреля в редакции «Саратовских известий» писатель К. Федин прочитал 3 главу из не напечатанного еще романа «Города и годы». Место действия романа — Германия и Россия, время — война и революция. Прочитанное происходит в шовинистической Германии в начале войны. Общее впечатление аудитории: несмотря на артистически прекрасное чтение автора, прочитанные главы следа глубокого не оставили. Красочна сцена из немецкой солдатчины, но есть места сухие и скучные. Писатель умеет очень хорошо писать. Встречается много хорошего материала, но он как-то обескровлен, недостаточно организован». По-видимому, и автор заметки и некоторые слушатели не сумели понять подлинно новаторской сущности этого романа.

Особенно плодотворным был приезд писателя в январе—феврале 1928 года. 29 января «Саратовские известия» сообщали: «Находящийся в Саратове Константин Федин закончил в настоящее время большой роман «Братья», печатающийся ленинградским журналом «Звезда» <...> Действие развертывается частью в Уральске, частью в большом поволжском городе и в Ленинграде. <...> Ближайшей работой писателя будет повесть из современной уездной жизни «Христофор с собачьей головой».

В том же номере объявлялось: «Со вторника 31 января в «Саратовских известиях» начнется печатанье отрывка (две главы) из нового романа Константина Федина «Братья».

12 февраля там же была опубликована заметка «Константин Федин у сапповцев»: «Находящийся сейчас в Саратове известный писатель Константин Федин охотно отозвался на приглашение саратовской ассоциации пролетарских писателей — принять участие в ее работе. В воскресенье 5 февраля на очередном собрании ассоциации им была проведена беседа о методах писательского подхода к материалу. <...> Исходным материалом для беседы послужили два рассказа «Степан и Ганна» Изакатуса и «Губы в крови» Полякова. Таким образом, беседа подкреплялась примерами из взятых рассказов».

В этот приезд, как сообщала газета, состоялся и большой писательский вечер. «2 февраля Константин Федин выступил на литературном вечере, устроенном в Доме работников просвещения. На вечере присутствовало около 200 человек. Федин прочел присутствующим первые три главы из своего нового романа «Братья» <...> Во втором отделении вечера писатель рассказал, как он писал повесть «Трансвааль» <...> Рассказав историю написания повести, писатель сделал несколько замечаний по поводу критических отзывов о произведении. В частности, он указывал, что упреки Родова в совершенном незнании Фединым деревни и в нереальности типа Сваакера, совершенно не обоснованы. Точно так же не обоснованы ничем упреки В. Фриче по отношению к тому, что писатель в повести прибег к некоторому мистицизму, рисуя образ Сваакера <...> К. Федин защищал реальность и жизненность типа Сваакера, ибо вскоре после написания им «Трансвааля» в Сев.-Зап. области была целая кампания работы против засилья частников на деревенских мельницах. Сваакер — только сколок с жизни.

В заключение вечера писатель прочитал вторую главу из «Трансвааля». Публика принимала писателя тепло». Так до саратовской публики доходили отголоски тех критических боев, которые в то время развертывались почти по всем произведениям К. Федина и особенно по роману «Города и годы» и повести «Трансвааль».

В Саратове в октябре 1939 года широко отмечалось 50-летие со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Прибыл К. А. Федин и 29 октября выступил с большой речью, посвященной Чернышевскому.

В марте 1949 года писатель вновь в Саратове. Здесь 9 марта в переполненной аудитории имени Горького в университете, где присутствовало 700 человек, он прочел отрывки из романа «Нे-

обыкновенное лето», выслушал обращенные к нему речи профессоров и студентов.

Затем писатель выступил перед журналистами в клубе редакции «Коммуниста», перед учащимися средней школы, встречался в Доме ученых с научными работниками, студентами педагогического института, с учительством, с партийным активом. 15 марта прочитал по саратовскому радио отрывки из романа «Необыкновенное лето».

Каждый приезд писателя был большим событием, оставлявшим неизгладимый след в культурной жизни города.

В связи с 50-летием Саратовского университета в октябре 1959 года была проведена научно-теоретическая конференция, посвященная творчеству Константина Александровича Федина, на которой он выступил дважды. Первое выступление состоялось в аудитории имени Горького. Писатель говорил: «В этой аудитории — аудитории имени Горького — я второй раз... хочу поблагодарить саратовских филологов, которые оказали мне честь, организовав конференцию, посвященную моей работе <...> получилось, что я попал на ваш праздник как ваш товарищ — соучастник торжеств, которыми отмечают сейчас Саратовский университет. Внутренне я действительно товарищ и участник ваших торжеств, потому что я любил университет как надежду свою на лучшее будущее, и очень хорошо помню время, когда он закладывался здесь. Невольно я следил за развитием замечательного учебного заведения и сейчас испытываю большое чувство волнения и радости, видя, как существуется наш университет. Его любят в Советском Союзе <...> хорошо, что в Саратове такой университет»²².

В этом выступлении писатель коснулся многих сложных вопросов литературной жизни: проблемы мастерства, современность и традиции, литература и жизнь, реализм и романтика, литературное прошлое и настоящее Саратова.

Конференция стала большим событием в жизни Саратовского университета. В адрес университета и Константина Александровича последовали телеграммы и письма. К. Симонов писал: «Мне кажется, что эта конференция, этот очередной смотр сделанному Вами в Вашей писательской жизни особенно значителен. И потому что это происходит в самый разгар завершающей работы над Вашей замечательной трилогией, и потому что это происходит на дорогой Вашему сердцу саратовской земле, и потому что это происходит в дни пятидесятилетия Саратовского университета, в городе, с именем которого так много связано в истории трудовой высокообразованной, высоко несущей знания русской культуры советской интеллигенции.

Эта история связана и с Вашим славным в нашей литературе именем, и я тоже считаю себя вправе гордиться Вами в эти хотя и деловые, но конечно же и праздничные для Вас дни, гордиться не только как Ваш младший товарищ по перу, но и как саратовец по годам своей юности.

Очень это славно и хорошо, что славного нашего русского писателя и любимого нами человека Константина Федина, полного таланта, сил и душевной красоты, чествуют его земляки, в родном городе, в год пятидесятилетия родного университета»²³.

На заключительном заседании в Научной библиотеке выступил Константин Александрович, ответил на вопросы и прочитал три новые главы из романа «Костер». Он осветил очень важные теоретические вопросы. Так, в ответе на вопрос, что надо понимать под формулой «образ времени», Константин Александрович говорил: «Что можно сказать по аналогии? Я имею в виду, например, следующее: Анна Каренина, конечно, образ геронни. Но роман «Анна Каренина» больше чем образ геронни, потому что Толстой всей совокупностью картин дает эпоху, дает колоссальное количество изображений социального порядка, психологического и т. д.

Можно было бы сказать так, если бы условно теоретически решать вопрос узко — выбросить Анну Каренину, как героннию, оставить все остальное, мы бы все равно получили бы ощущение цельной картины эпохи <...> Я разрешаю эту формулу не только умозрительно, но и чувством художника»²⁴.

Выступления писателя навсегда запомнились тем, кто имел счастье слышать их. Главы романа «Костер» были прочитаны с большим мастерством. Недаром в далкой юности у писателя была и профессия актера.

Саратов стал одним из научных центров изучения творчества писателя. В 1959 году здесь вышла книга П. Бугаенко «Мастерство Константина Федина». Гранки ее просмотрел Константин Александрович и дал автору много ценнейших советов. Доктор филологических наук М. Б. Борисова много и плодотворно трудится над изучением особенностей художественного стиля писателя. В издательстве «Наука» в 1966 году вышла книга «Творчество Константина Федина», в которой опубликованы большие статьи этих исследователей. На филологическом факультете Саратовского университета читается специальный курс «Романистика Константина Федина», более 15 лет в специальном семинарии студенты изучают творчество писателя-земляка и защищают дипломные работы о творчестве Константина Федина.

В январе 1972 года члены семинария посетили писателя, состоялся задушевный разговор. «Литературная газета» 26 февра-

ля 1972 года сообщала: «Из родного Саратова приехала делегация филологического факультета Саратовского университета <...> Мы,— вспоминал писатель,— говорили о нынешнем Саратове, университете, науке, школах. Очень скромно и деловито они отвечали на мои вопросы. Потом дошли до литературы. Я сказал, что для художника одной из самых сложных является та пора, когда замысел его будущего произведения уже вроде сложился и можно, пожалуй, садиться за стол и начинать писать... Он садится, работает долго, упорно, и тут неожиданно образы, точнее скажем, персонажи произведения начинают предъявлять автору свои претензии, утверждая, что он-де ошибся, что их отличают совсем иные достоинства и недостатки, что автор неверно характеризует их жизнь, пристрастия, склонности. Одним словом, персонажи заявляют о своей самостоятельности и — начинают жить. <...> истинный художник не может не быть беспощадным к тому, что он создает. Он должен быть готовым еще и еще раз все начинать сначала <...> Мне показалось, что будущее незримо присутствовало при встрече с саратовскими филологами. Я глядел на них и думал, что смысл будущего заключается в том, чтобы все юное и молодое на земле жило и цвело в полную силу, всеми красками. Тогда будущее станет тем, что нужно человеку, что составляет смысл и красоту жизни, живую кровь искусства, само дыхание литературы вообще и романа, кстати, в частности».

В этих размышлениях писателя о движении истории, о жизни и литературе, о литературном творчестве, о процессе создания художественного образа, несомненно, много автобиографического, связанного с работой над «Костром» и в частности над обращениями Пастухова, Лизы, Цветухина. Еще в 1965 году в беседе с Ю. Оклянским Федин говорил: «Пастухов с его душевным разладом займет еще у меня большое место, с ним будет трудно и хитро сплетено <...> он один из тех старых интеллигентов, которые прошли все «по-своему» — через заблуждения, ошибки приняв социализм. В нем есть уже новое. Он и на патриотический порыв способен»²⁵.

Логика движения жизни определяет логику внутреннего самодвижения образа, развитие характера, возможность и даже неизбежность определенных действий.

Приезд Константина Александровича в родной город в октябре 1966 года был, как и всегда, заполнен делами, встречами... В беседе с корреспондентом газеты «Коммунист» он говорил: «Каждый раз, когда я приезжаю в город моего детства и юности, я наблюдаю большие, волнующие перемены. По сравнению с тем, что мне довелось видеть в прошлый приезд, в 1959

году, город вырос, появилось много новых учреждений культуры. Прекрасен Дворец культуры профсоюзов в Ленинском районе, очень хороши Дворец спорта с великолепным плавательным бассейном, спортивный комплекс «Юность».

Заметно изменились и саратовцы. Меня радуют встречи с саратовской молодежью — жизнерадостной, культурной, вежливой. В первый же день моего приезда я долго бродил по улицам города. Предполагалось, что возобновленное знакомство с городом должно быть встречей с прошлым. На самом же деле это знакомство вылилось во встречи с настоящим — очень отрадным и привлекательным, ибо рост культуры определяет лицо города.

Один из важнейших культурных центров Поволжья — Саратовский университет имени Н. Г. Чернышевского. В моих планах встреча со студентами и преподавателями этого высшего учебного заведения, давшего стране много выдающихся ученых. Предполагаю также встретиться со студентами филологического факультета педагогического института»²⁶.

Такие встречи состоялись. 7 октября писатель прочитал в университете главу из второй книги романа «Костер», ответил на многочисленные вопросы. Эта сердечная встреча вылилась в обстоятельный разговор о современной литературной жизни.

6 октября К. А. Федин принял участие на расширенном заседании редколлегии журнала «Волга», только что возникшего.

Октябрь в тот год стоял теплый, солнечный... Константин Александрович жил на даче в Октябрьском ущелье, здесь, в родной, близкой сердцу обстановке, создавались новые главы романа «Костер», хотя действие в них развертывалось в Москве и в Туле.

Здесь же снимались кадры документального фильма «Наш Федин» *, посмотрев которые Федин сказал: «Вы собрали много очень любопытного. Приятно было увидеть многое и многих, с кем я был рядом, встречался и в недалеком прошлом, и тридцать пять лет назад».

Писатель внимательно следит за жизнью родного края, за успехами земляков, поздравляет их с трудовыми победами.

Когда 12 сентября 1959 года советская космическая ракета стартовала к Луне, К. А. Федин, бывший в это время в Саратове, откликнулся статьей «И еще один шаг!..», опубликованной 13 сентября в «Правде», а позднее перепечатанной газетой «Коммунист»: «Я живу сейчас в родном городе Саратове, вхожу в его жизнь, после того как не был здесь десять лет.

* Фильм создан заведующим кинофотолабораторией СГУ Б. Л. Петровым.

Больше шестидесяти лет назад я пошел с букварем в начальное училище, стены которого еще стоят в старом городе.

Я вижу и тогдаших школьников за партами — городских и деревенских мальчуганов в ситчиковых русских рубашонках, в огромных, тяжелых, едва ли не с тятькиной ноги, сапогах. Они учат полные тайн аз, буки, веди...

Нынче от старого Саратова осталось его зерно. Оно проросло после Октября, дало первые листочки и потом — год за годом — стало выбивать стебли, глубже уходить корнями в землю.

Я узнаю и не узнаю нынешний Саратов. Неверно сказать, что это новый город. Это новый мир. Новый мир, где что ни завод, то чудо, о котором можно рассказывать часами. И чудеса эти опоясывают старый Саратов целыми городами, целыми солнцами городов, среди которых старое зерно — лишь напоминает о том, откуда пошло цветение нового мира.

Все это создано талантами, руками городских и деревенских мальчиков в ситчиковых рубашонках, создано их детьми, а теперь создается их внуками»²⁷.

В канун 50-летия Великого Октября в беседе с Г. В. Рассохинным он говорил о том, что «Волга стала символом величия русского характера... волжане сумели сделать ее сказки былью... нет России без Волги»²⁸.

В телеграмме в родной город в октябре 1973 года он писал: «От всей души поздравляю родную Саратовскую область с обильным перевыполнением плана сбора зерновых богатого урожая нынешнего года. Шлю горячий земляческий привет всем труженикам обоих побережий нашей славной Волги и желаю новых больших успехов»²⁹.

Со многими саратовцами Константина Александровича связывает многолетняя дружба. Он посещал земляков во время приездов в Саратов, многие из них не раз пользовались гостеприимством писателя, бывали у него в дачном поселке Переделкино под Москвой, вели задушевные беседы с хозяином.

Константин Александрович охотно переписывается с саратовцами. Он умеет писать письма. Каждое его письмо не только великолепный человеческий, но и литературный документ.

В 1967 году в журнале «Волга» (№ 2) было опубликовано 20 писем, написанных за период с 1947 по 1966 год.

В письме к директору Научной библиотеки университета В. А. Артисевич указываются литературные источники, которые дали исторический материал в работе над романом «Необыкновенное лето».

В переписке с писателем Г. Ф. Боровиковым отчетливо зву-

чит мотив связи писателя с интересами родного города. Он внимательно следит за культурной и литературной жизнью Саратова, читает выходящие в городе книги, отмечает успехи альманаха «Литературный Саратов», ратует за то, чтобы именно в Саратове издавался поволжский литературный и общественно-политический журнал. Для него Саратов — по-прежнему «столица Поволжья».

В письмах к автору этих строк много воспоминаний прошлого, ставших жизненным материалом художественных образов произведений Федина. Оценка значительных фактов литературной жизни 20-х годов, требования подлинного историзма при обращении к событиям прошлого, эпизоды творческой работы писателя над романами трилогии.

В письмах к видным (ныне покойным) краеведам братьям А. и В. Леонтьевым К. А. Федин указывает памятные места писателя в Саратове и ставит большой и пока еще не решенный вопрос о создании настоящей летописи родного города.

Переписка с писательницей Е. М. Рязановой отражает живущее внимание Константина Александровича к судьбам журнала «Волга» и к работам, в которых звучит волжская тема.

Особенно прочной и многолетней дружбой был связан Константин Александрович с директором Дома-музея Н. Г. Чернышевского, внучкой великого революционера-демократа Ниной Михайловной Чернышевской.

Оба они — К. А. Федин и Н. М. Чернышевская — много сделали для родного Саратова, и не случайно, как и Ю. А. Гагарин, они удостоены звания Почетного гражданина города.

В 1972 году в № 2 журнала «Волга» Н. М. Чернышевская опубликовала статью, назвав ее строкой из письма к ней К. А. Федина «За все, чем Вы богаты!..». В статье приведены письма Федина, беседы с ним автора статьи, его размышления о роли Н. Г. Чернышевского в освободительном движении, в русской литературе, виден неизменный интерес к делам и заботам Дома-музея Чернышевского, который он образно назвал «родное гнездо Орла».

Опубликованные письма К. А. Федина уже прочно вошли в литературоведческий оборот.

Переписка продолжается... Весной 1975 года саратовские критики подарили Константину Александровичу свой коллективный труд — сборник статей «Наши современники». В письме к составителю и редактору сборника П. А. Бугаенко 29 марта 1975 года он писал: «Сердечно благодарю Вас и прошу сказать мое «спасибо» подписавшим книгу землякам <...>

В Вашей статье мне показались очень примечательными те

места оценок колхозного «оперативного репортажа» Почивалина, которые посвящены «трудному году» недавнего времени. Вообще сказанное о селе, о деревенских наблюдениях останавливает внимание (хотя все это, как видно, очень скромно, небогато подано)»³⁰.

Прочитать работы земляков и немедленно и очень живо откликнуться на них — таков он во всем, большой русский писатель, обаятельный человек, живущий интересами родной литературы, вдумчивый теоретик, щедро делящийся своим мастерством, своими глубокими размышлениями с современниками, с людьми родного города.

Приведенные факты свидетельствуют о нерасторжимых и благотворных связях К. А. Федина с жизнью родного города, о его постоянном интересе к судьбам Приволжского края.

Многие из этих фактов были живительным источником и импульсом для работы творческого воображения художника. В письме к Г. В. Рассохину от 13 ноября 1964 года писатель подчеркивает: «Не преувеличивать значения факта (где жил? что видел?) для художественного воплощения замысла. Но факт должен быть сам по себе точен. Литературовед должен работать так, чтобы ошибками своими не давать хлеба новым и новым литературоведам... Факт — только импульс для художника. Стимул же художника создать нечто более значительное, нежели сама действительность»³¹.

Многие саратовские факты и были импульсом для художника, на их основе созданы произведения, поднявшиеся над саратовской и иной действительностью, незабываемые картины движения истории в переломные годы и целая галерея полнокровных, типических, человеческих характеров.

В мае 1967 года в Германской Демократической Республике состоялся международный симпозиум, посвященный творчеству К. А. Федина. Многие участники этого симпозиума говорили автору этих строк, выступавшему с докладом «История и краеведение в романистике К. Федина», о том, как счастлив Саратов, Волга, вспомнившие и вскормившие такого художника, как Федин, что благодаря его творениям они как бы испытывают эффект присутствия в старом Саратове: «видят» его улицы и площади, входят в старые дома, и Саратов «оживает» перед их мысленным взором. И в то же время главный мотив всех выступивших из Советского Союза, ГДР, Польши, Болгарии, Венгрии — Федин, выдающийся советский художник, его творчество обогащает мировую прогрессивную литературу, это писатель мирового звучания.

Саратов в творчестве Федина

Константин Федин как писатель рожден революцией, в его творчестве нашли свое художественное выражение различные этапы борьбы за новую жизнь. Первые попытки (до революции) написать большой роман «Глушь», напечатанные в 1913, 1914 годах «Мелочи» и стихи в «Новом Сатириконе» под прозрачным псевдонимом «Нидефак», были не больше, чем «пробой пера» и отражением стремления юноши к писательству. В цитированном выше письме Федина к сестре в Саратов 2 марта 1920 года он писал: «С тех пор, как я прочел тебе в Уральске свой первый рассказ, прошло десять лет (это было на даче в июле 1910 года). Эти десять лет я учился и работал, хотя никогда не говорил об этом»³².

Итак, первые писательские опыты шестнадцати-восемнадцатилетнего юноши в Саратове, впервые напечатанные в Москве в 21 год, первый опубликованный в сызранском журнале «Отклики» рассказ «Счастье» в 27 лет, горьковское одобрение рассказа «Дядя Кисель» и статьи «И на земле мир...» в 28 лет. Эти десять лет были трудным периодом формирования личности, писательского стремления молодого человека. В уже цитированном письме к сестре он отмечал: «Новый этап начинается в моей жизни. Этап творчества и восхождения». Федин не ошибся в определении предыдущих лет и дальнейшей жизненной и писательской перспективы.

Перед молодым писателем стояли извечные вопросы: о чем писать? как писать? для кого писать? Жизненный опыт был еще не богат, но сложен, многообразен и противоречив. Более полутора десятков лет в провинциальном Саратове, уединенные и мало общественные три года — в Москве, четыре — в охваченной шовинистическим угаром Германии, восемь месяцев наполненной до краев делами и бурными событиями жизни в Сызрани, переезд в голодный и холодный Петроград, личная неустроенность, материальная нужда, сомнения в жизненном призвании, в писательских возможностях — вот из чего складывался этот жизненный опыт.

Естественно, что крепло стремление написать о виденном и пережитом, о наиболее ярких эпизодах и людях, встретившихся на жизненном пути. Первые рассказы «Счастье», «Дядя Кисель» и строились на использовании материала плена и отъезда из Германии.

Автобиографический материал лежал, так сказать, «под рукой».

На вопрос «Издательства писателей в Ленинграде», «каким материалом преимущественно пользуетесь (автобиографическим, книжным, наблюдениями, записями)? А. М. Горький ответил: «Пользовался преимущественно материалом автобиографическим, но ставил себя в позицию свидетеля событий, избегая выдвигаться как сила действующая, дабы не мешать самому себе, рассказчику о жизни»³³. В творчестве А. М. Горького и нашли художественное воплощение многочисленные факты его биографии, жизненные наблюдения и впечатления. «Вот этими накопленными богатствами я живу и пользуюсь», — говорил Горький. Раскрывая особенности творческого акта, Горький утверждал: «Вы не отдаете себе отчета, а механически воспринимаете впечатления; забываете о них. Но, когда нужно, ваша зрительная память приходит вам на помощь, и вы черпаете из запасов этих мелких впечатлений нужное вам лицо»³⁴.

Из «запасов памяти» и черпал материал для своих писательских опытов Федин. В этих «запасах памяти» наиболее яркими были впечатления германского плена, гражданской войны на Волге в сызранской округе, обороны красного Питера от белогвардейцев. Они и легли в основу первого большого романа писателя «Города и годы». Этот роман, опубликованный в Ленинграде в конце 1924 года, принес его автору широкую литературную известность. Федин мог на этом творческом опыте убедиться, какую значительную роль в его создании сыграли автобиографические материалы. У писателя складывается устойчивое убеждение в необходимости широкого вовлечения автобиографического материала, связанного с близкими и родными ему местами, к творчеству. Впоследствии он так сформулирует это свое убеждение: «В широком смысле слова редкий роман не автобиографичен, было бы заблуждением непременно искать в сюжетах романиста повторение его житейских испытаний. Но основой характеристик героев всегда будет служить его знание жизни»³⁵.

Знание жизни родных мест, происходившие в них события, запавшие в память и так ярко выступавшие перед писателем, как будто они происходили только вчера, какие-то виденные

и слышанные люди родного края укладывались в творческом процессе в общую картину, в характеристику образа времени.

В произведениях Федина нашли отражение самые разные уголки нашей страны и некоторых буржуазных стран, в которых он бывал. Но если в этом многогранном показе жизни городов, сел, деревень и даже стран выделить то главное, к чему чаще и с особой любовью вновь и вновь возвращался писатель, то это будет родной ему Саратов, родная Волга.

Где бы ни был писатель, мысль его неизменно возвращалась к тому клочку земли, откуда он впервые воспринял мир, увидел его многоцветье, к тому, что навсегда запало в цепкую память.

«Глазами, видевшими две революции, войну и плен, я вновь взглянул на свою родину и я почувствовал, как крепки ее корни, как поразил меня мир, каким я впервые увидел его», — писал Федин еще в 1926 году³⁶.

Если в раннем творчестве Федина только «проскальзывают» некоторые детали прошлой жизни, то в последующем крепнет автобиографическое и, так сказать, «краеведческое» начало. Постоянное стремление Федина живописать события, используя для этого признаки и детали не только времени, но и места, обусловили широкое использование в его романах, повестях и рассказах местного материала. Этот «местный материал» во многом донесли до него воспоминания детства и юности. В своеобразии использования такого материала и проступают важнейшие признаки художественного мастерства писателя.

Уже во втором романе «Братья» широко представлен автобиографический и связанный с ним краеведческий материал (третья и четвертая главы второй части, первая и вторая главы третьей части романа). Город, где развертываются события, не назван, но самые события и их детали, описания улиц и переулков, взвозов и площадей и даже их названия построены на саратовском материале.

Памятный писателю дом № 13 и сам Смурский переулок дают основания вспоминать страшные события, разыгравшиеся там осенью 1905 года.

«Переулок звался Смурским и был, правда, буровато-серым, смурыгим. На углу Староострожной улицы, посреди проезда, торчала водопроводная будка... отсюда дорога скатывалась к Нижней улице, потом к оврагам, которые в городе назывались бараками. Дальше шли горы...» — пишет Федин в романе «Братья».

18—20 октября 1905 года черносотенцы устроили здесь pogrom. Отсюда увидел Костя Федин (передавший свое «введение» Никите Кареву, «поселенному» им в этом доме) отпор, ко-

торый дала погромщикам рабочая дружина: «Людей было не-много — человек восемь, и они были необычны для Смурского переулка. Почти все они были одеты одинаково скучно, точно экипированы каким-то бедным интендантством — в черных куртках или прямых длинных пальто, в сапогах с короткими голенищами... люди стреляли вдоль Смурского к бараку, стреляли в потников, в анафем».

20 октября в 2 часа дня казаки по распоряжению саратовского губернатора Столыпина — вдохновителя погрома, начали разгром «черной сотни» и водворение «порядка». «В городе господствует порядок... Староострожные, Нижние, Смурские улицы и переулки, бараки, горы, золотые роты! Не во сне ли разъярились вы, позабыв про тыквенные семечки, про Петра и Павла? Не с похмелья ли причудилось вам, будто нет на вас управы, ни острастики, ни судьи, ни закона? Куда подевались палицы, гвоздыри да дубины? Не злой ли навет пустила на вас людская молва?

Может быть, не ваши спины гнулись под чужим добром, не ваши подошвы разносili по дорогам липкую кровь, не ваши руки, обхватив тараны, ссаживали с петель ворота и двери.

Иначе зачем же было пожаловать на Смурский переулок если не самому начальнику губернии, то господину полицмейстеру, и ласково обратиться к нам — к потникам, анафемам, к смургому приходу Петра и Павла...»³⁷

Горькой иронией подчеркивает писатель истинное лицо властей — организаторов погрома, ласково уговаривающих погромщиков и отправляющих в тюрьму рабочих, которые дали им отпор.

«Рыскающие по городу, вымазанные по горло волчьи стаи, этот протяжный нечеловеческий стон, эти улицы безлюдные, как кладбища, дрожащие зарева, треск досок, оконных рам, дверных засовов» видел и запомнил Федин, заставив и читателя увидеть эти ужасы жизни старой России.

Так действительно было в Саратове, но так было не только в Саратове, эти картины имели глубоко типичный смысл. Через конкретное, автобиографическое, краеведческое в читательское сознание входят сложные противоречия общественной жизни этого времени.

В романе эти события имеют важнейшее значение в формировании характера и творческого облика будущего композитора Никиты Карева. Мы уже приводили свидетельство самого писателя о том, как они повлияли на его юную душу.

В таких рассказах, как «Утро в Вяжном», «Мужики», мы не увидим прямого отображения саратовского материала, но какие-

то впечатления саратовской, поволжской деревни и в них дают о себе знать.

В 1930 году Федин публикует повесть «Старик», навеянную воспоминаниями о старом Саратове. Камни старого города, его дома, узкие улицы, пыльные взвозы, немощеные площади крепко запомнились с детства и юности. Один из таких примечательных домов, когда-то принадлежавший купцу Корнилову, настолько поразил девятилетнего Чернышевского, что спустя много лет он ввел в автобиографию рассказ под названием «Корнилов дом». Этот дом привлек внимание и Федина, стены старого дома давали простор работе воображения. «И не реален ли был мир моего воображения, когда я вызывал к жизни старый прадедовский Саратов — вот на этих улицах около этих стен — и когда улицы и стены десятилетия назад и в пору моего детства жили одной неизменяющейся жизнью?» «Записки» Ф. Ф. Вигеля о саратовском губернаторе Панчулидзеве подкрепляли работу воображения.

Действительность и книги, рассказы о прошлом и сами старые дома и улицы помогали создать живое ощущение прошлого. Это видение, это ощущение с большой художественной силой сумел передать писатель. На этой основе и родился маленький шедевр — повесть «Старик». Именно о нем Горький писал из Сорренто 9 ноября 1930 года: «Прочитав «Старика» Вашего, хотел написать Вам о том, как хорошо Вы сделали эту вещь, но, будучи обременен «делами», так и не собрался написать».

«Единое во многом, и многое в едином», из «небытия» вывел автор живые образы: разбитого параличом купца Мирона Гуляева, двух его дюжих сыновей Петра и Павла, прельстительной красотки Агриппины Авдеевны, галантного губернатора Алексея Давыдовича, усмешливого архиерея...

Богат и впечатляющ образ старого Саратова: городской бульвар, Армянская улица (ныне Волжская), взвоз, круто падающий к Миллионной (ныне этой улицы нет, она поглощена Набережной Космонавтов), беленые колонны здания семинарии (ныне областного музея краеведения) — удивительно точна «топография» этих саратовских мест и жизни, в них проходившей. «Миллионная скрипела телегами, оглоблями, деревянными шестерenkами соляных мельниц, петлями и засовами лабазных ворот. Здесь гуляла прохлада, строения громоздились друг на друга, из ворот в ворота тянуло сквозняками, сквозняки несли с собой тяжелый дух пакли, канатов, лежалой соли. Соль хрустела под ногами, под колесами телег, скрежетала и насвистывала в жерновах, и в соляном хрусте, в деревянных скрипах

гулко охали человеческие голоса, понукающие лошадей на мельницах... Соль шла с Эльтонского озера из-за Волги, как только устанавливался санный путь». Но такой «пейзаж» был не только во «времена Мирона Гуляева», таким и увидел его Костя Федин. Ничего в нем, собственно, и не изменилось. А вот прошло еще шестьдесят-семьдесят лет, и не стало не только привычного облика Миллионной, но и сама она ушла в безвозвратное прошлое. И только великолепная повесть Федина доносит до нас это былое. Привлеченный писателем конкретный материал старого Саратова позволил создать зримые пластические образы.

В 1947 году писатель выпустил сборник рассказов под многозначительным названием «Давно и недавно». Три рассказа в нем: «Сазаны», «Гармонь», «Встреча с прошлым» — построены на саратовском материале.

Развлечения трех саратовских мальчуганов, их самовольная поездка в «Беленькие» на ловлю сазанов («Сазаны»). Поэтичный рассказ овеян воспоминаниями далекого детства: «Как обычно, мы с Колей вышли поутру в школу, но на полдороге повернули в другую сторону и пошли тихой улицей на Волгу». В рассказе прямо переданы автобиографические детали: «Очень ясно видел я свою комнату с кроватью, покрытой синим мохнатым одеялом. На кровати сидела мама и плакала, а отец стоял у печки, сердито говорил: «Вот твое воспитание: растет бессовестный балбес!» Бессовестный балбес — это отец говорил обо мне. Но он ошибался — совесть меня мучила».

В рассказе «Гармонь» писатель живописует родныеолжские берега. «Праздничный день. На небе ни пятнышка. У выхода оврага к Волге камыши неподвижны, сквозь них заросли выблескивает ручей, широко разливается песчаной низиной... По другую сторону оврага деревня. Домишкы ее видны с Волги за далекие несчитанные версты...»

Рассказ «Встреча с прошлым» возник после приезда писателя в родной город в 1939 году, где он увидел не только старые застоулки, связанные с далеким детством и юностью, но и приметы нового индустриального города. Этот процесс вытеснения старого новым он наблюдал со всей отчетливостью и в Минске, куда приехал на пленум правления Союза писателей, и в других местах. И этот процесс направлял его воображение от прошлого в будущее, давал возможность отчетливее представить закономерности этого переходного времени, доставлял новые творческие импульсы. Не случайно именно в это время у него созревал замысел большого произведения, передающего борьбу нового с отмирающим старым.

Но в рассказе главный предмет внимания — памятные места детства и юности.

Вот родной дом в Смурском переулке. «Я видел дом — где сколько лет назад? — сочинял первое влюбленное послание, держа под рукой томик лермонтовского «Героя». Удивительно все уменьшилось и сморщилось в этом доме! Как покоробилась, потрескалась тесовая обшивка, как искрошились резные наличники на окнах. А окна, какие убогие окна! Вон то, через которое я в трепете смотрел на погромщиков черной сотни, — крошечное, слепое оконце, — а ведь тогда оно так пугающе необычно разверзло передо мной пучину ужасов и боли. Вон дверь, которую я тихонько притворил, убегая из дома, бросив мать, не зная, куда приведет меня первая, никем не обереженная дорога. Порыхлевшие вереи ворот, лысая земля на местах былых палисадников и скамеек, перекошенные соседние калитки». Так вновь возникает перед читателем тот старый дом с подслеповатыми оконцами, который уже встречался в романе «Братья» и в автобиографии, вновь развертывается незабываемый ужас погрома.

Писатель заглянул на многие памятные ему улицы и во дворы и очутился перед зданием «своей школы». Здесь он не только учился, но часто посещал квартиру дяди матери Семена Ивановича Машкова. И теперь, как тогда, его привлекал школьный чердак. «Я лез потихоньку на чердак, держась за холодные скользкие баласиники крашенных масляной краской перил. Я открывал дверку, и тайный мир хватал меня и уносил. Свист, шум, хлопанье и режущее скольжение крыльев, возрастая с каждой секундой, заполняли собой огромный, полусумрачный теплый шатер крыши: это снимались со своих мест испуганные обитатели чердака — голуби...» Незамутненная память писателя удержала эти воспоминания, новое посещение знакомых мест всколыхнуло их³⁸.

Образ лестницы на чердак, таинственный вход в особый мир, наполненный свистом голубиных крыльев, «ожил» в романе «Первые радости». Кирилл передал Лизе «первую записку, сочиненную на чердаке училища, где гнездились голуби, под хлопанье крыльев этих домовитых птиц, при дневном свете слухового окна».

Пригодилась и другая деталь: лермонтовский «Герой» навеял Кириллу это письмо так же, как некогда юному Федину.

Само здание этой школы стало для писателя отправной точкой для создания той воображаемой и очень знакомой школы, в которую он поселил Веру Никандровну с Кириллом, и миллионы читателей «увидели» «тяжеловесное беленое здание с каменными заборами по бокам, откуда вымахивали ввысь три пре-

старелых, едва распустившихся пирамидальных тополя». Так возникла конкретная и очень важная деталь в жизни героев фединского романа.

Родная Волга и Саратов доставляли писателю большой и благодатный материал, позволяющий отчетливо конкретизировать и детализировать место и обстоятельства действия. «В этой конкретизации я ощутил необыкновенную сладость», — говорил Федин.

Творческие принципы, выработанные и проверенные писателем в 20-е и 30-е годы, получили наиболее развернутое воплощение в работе над романической трилогией.

Сам писатель обстоятельно рассказал о том, как из первоначального замысла 1936—1939 годов создать произведение условно названное «Шествие актеров», раскрыть борьбу нарождающегося нового с отживающим старым, на материале искусства родилось широкое эпическое полотно. На первый план вышла тема истории, исторических судеб народа в годины грозных испытаний. «В годы... войны я начал работать над очень давно задуманной романической трилогией и в течение 1943—1948 годов закончил два романа — «Первые радости» и «Необыкновенное лето» <...> Когда войной решалась судьба родной страны, еще крепче, чем прежде, упрочилось убеждение, что будущее русской жизни нераздельно с ее советским строем и что истинно большим героям современности должен и может быть признан коммунист, деятельная воля которого однозначна Победе»³⁹.

Для такого крутого изменения замысла Минск, малознакомый писателю, уже не подходил. Суровые переломные годы гражданской войны пережил писатель в Поволжье. Само Поволжье сыграло важнейшую роль в ходе гражданской войны и в годы Великой Отечественной войны. На материале жизни родных мест отчетливо проступали общие закономерности движения времени в их конкретном воплощении. Историческая правда, которой во всем следовал писатель, раскрывалась в так хорошо знакомой ему обстановке.

И для изображения глухой провинции переломного 1910 года Саратов оказался весьма подходящим и типичным губернским городом, что касается «необыкновенного лета» 1919, то роль Саратова и Поволжья в переломе хода гражданской войны была весьма велика. И это общее выступало особенно отчетливо, согретое воспоминаниями тех далеких лет. Прежний опыт использования автобиографического и краеведческого материала подсказывал писателю именно такое решение.

Однако для многопланового и широкого показа родных мест

в эти годы личных впечатлений оказывалось недостаточно, и писатель внимательно изучает документальный материал, исторические книги, вступает в переписку с «бывальми людьми» Саратова, уточняет факты и детали. На своеобразном сплаве живых впечатлений прошлого и документов, собственного участия в событиях и чужого рассказа о них созданы романы трилогии, отличающиеся необыкновенной точностью даже в деталях местной топографии. Ощущение исторической точности и достоверности обеспечивается правдивостью деталей, умелым отбором нужных впечатлений.

Однако автобиографический и местный материал не ограничивает творческого воображения писателя, не стесняет полета его фантазии. «Сейчас, после окончания огромной дилогии, в общей сложности в 60 печатных листов, я оцениваю соотношение вымысла и «факта», как 98 и 2. Конечно, я много знал и знаю жизненных фактов из русской действительности 1910 и 1919 годов. Но только оттолкнувшись от них в простор воображения, я мог сочинить людей, в жизни мною никогда не виданных, не встреченных, но как бы безусловно живших»⁴⁰. Эти «2» в основном воспроизводят саратовскую действительность. Первые два романа трилогии плотно прикреплены к Саратову. Множеством точно воспроизведенных признаков и определенных названий писатель живописует конкретно существовавшие места. Если читателю не саратовцу сами эти названия мало что говорят, то человеку, знакомому с городом, нужно не просто назвать их, но так описать, чтобы это описание им соответствовало. Вот сад «Липки» (ныне сад имени Горького), консерватория, старая гостиница около нее (ныне не существует), архиерейский корпус (ныне планетарий и детская больница), городской театр (ныне на этом месте театр оперы и балета), театральная площадь (ныне площадь Революции), городская аудитория (ныне областная библиотека и кинотеатр «Ударник»), Радищевский музей, военный городок, корпуса университета, Затон, Зеленый остров, Соколовая гора, Ильинская площадь (ныне площадь Фрунзе), вокзал, чугунолитейный завод... Удивительно точны их описания. Вот некоторые из них:

«В городе был большой бульвар с двумя цветниками и английским сквером, с павильонами, где кушали мельхиоровыми ложечками мороженое... Аллеи, засаженные сиренями и липами, вязами и тополями, вели к деревянной эстраде, построенной в виде раковины... Бульвар назывался «Липками» и под этим именем входил в биографию любого горожанина, как бы велик или мал он ни был». Многое теперь не сохранилось, но в этом описании можно узнать и современные «Липки».

«Кирилл оглядывается на все четыре стороны и видит за дымкой казармы, махорочную фабрику, тюрьму, университет».

Попробуйте теперь встать на место Кирилла, и вы увидите казармы (кстати, одна из них после реконструкции стала учебным корпусом университета), нет махорочной фабрики (там теперь общежитие университета), нет и здания тюрьмы (на ее месте жилые и служебные дома).

Мы уже ссылались на точность описания Смурского переулка.

Если встать на ту точку, с которой Кирилл увидел родной город, то увидишь в «дуге возвышенностей — огромный город, деревянный по краям, каменный в центре, точно пирог, на кусочки нарезанный улицами на ровные кварталы... Он видел нехватную долину, по которой шла тяжелая река. Видел Зеленый остров, покрытый тальником, вполовину роста затопленным водой и послушно клонившим свои белесые верхушки под накатами ветра». Теперь по краям города много больших каменных зданий, не увидишь навсегда залитого водой Зеленого острова, иной, обжитой нефтяными вышками и современными городскими зданиями, стала Соколовая гора, на ее склонах закладывается парк Победы.

«Цветухин жил недалеко от «Липок», в гостинице, одноэтажные беленькие здания которой непринужденно размещались на дворе с газонами и асфальтовыми дорожками. Рядом высилось возвершенное причудливыми колпаками крыши здание музыкального училища...». Совсем недавно было так, теперь на месте старой гостиницы сооружен новый корпус консерватории.

В «Необыкновенном лете» в соответствии с общим характером повествования более обширными становятся описания и приметы саратовской жизни. Душное лето, для «коренных саратовцев упругие степные ветра предвещали сухой год... Волга торопливо убывала, пески ширились и словно набухали над рекой...».

«Толчок к размышлению дают прежде всего пространства. За Саратовом они то унылы, то даже грозны своим однообразием. Едва миновали небогатые пригородные рощи насаждений... как потянулись лысые холмы, разделенные оврагами, с нищими куполами тополей и ветел около разбросанных на verstы и версты селений»⁴¹. Таким был тогда тракт на Вольск, теперь представляющий собой современную автомобильную дорогу. Не случайно именно на таком тракте у Кирилла родилась «мечта безводных степей... он грезил о дубравах и на этом нескончаемом плато».

В городе бросалась в глаза гостиница «Астория», построен-

ная на главной улице в духе «модерн», и теперь на проспекте Кирова мы видим ту же гостиницу под названием «Волга».

Триумф молодой актрисы Аночки Парабукиной состоялся в большом здании полковых казарм, рядом с университетом. «Вот обошли огромный корпус казарм... — Не торопясь к старому собору,— сказал он шоферу». Это означало — через весь город по Московской улице (ныне проспект Ленина). «Они очутились на площади... Островерхая колокольня собора чернела в буром небе. Ветер с Волги шел широкой стеной».

Но и в тех случаях, когда адреса точно не названы Фединым, еще и сейчас на саратовских улицах можно найти дома, очень напоминающие по описаниям и месту расположения и «мешковский», и «дорогомиловский», и следы старых лабазов, и почлежек.

И первый, и в особенности второй романы трилогии воспроизводят не только черты и приметы застойного Саратова, города «сарпинки, отставных генералов и мучных королей», но и города противоборствующих сил, в котором отчетливо ощущение двух миров.

Конкретно убеждающее он показал, как в убогих дворовых флигельчиках, где жили рабочие, в посадках на Соколовой горе, на маевках среди зарослей Зеленого острова, на тайных сходках, в подпольных типографиях создавались и проявляли себя новые силы Саратова, поднимающегося и борющегося. Зримые детали быта и мест помогают ярче представить и место действия и характеры участвовавших в нем людей.

В соответствии с исторической правдой писатель показывает, что эти силы нового были еще слабы, казалось, что соотношение сил не в их пользу и незыблем «порядок» помещичьекупеческого Саратова.

Но вот прошло только семь лет, коренным образом изменилось соотношение сил в стране, в том числе и в Саратове, теперь уже другом — большом революционном городе, живущем напряженной жизнью.

Конечно, его улицы и взвозы, дома, площади и бульвары не стали другими: старая жизнь отступает с боем. Где-то в закоулках притаились враги нового: Мешковы, Полотенцевы, Шубниковы, Зубинские, но они обречены историей, их личный крах воспринимается и в более широком плане, как гибель того уклада жизни, при котором они были хозяевами.

В домах, на улицах и площадях Саратова бурлит новая жизнь. Саратовские большевики поднимают трудящихся города на борьбу за Советскую власть. От саратовского вокзала отходят эшелоны с бойцами на фронт, в саратовском затоне буксиру-

ные пароходы переделывают на боевые «канонерки». Вверх и вниз по Волге плывут рабочие, матросы, солдаты; люди из Саратова подавляют белогвардейские восстания, храбро сражаются с белыми у Николаевской слободы, у Камышина, у Дубовки, у Царицына; поезда везут красноармейские отряды саратовцев на помощь осажденной белоказаками Астрахани, блаковский плотник Чапаев громит белых в саратовских степях. В этот грозный 19-й год Саратов являлся центром большого революционного края, ему приходилось напрягать все силы и для того, чтобы раздавить восстания и заговоры на своих улицах и площадях, чтобы сломить белые банды в городах и селах своей губернии, помочь и уральцам, и астраханцам, и жителям Козлова и Царицына, и для того, чтобы участвовать в выполнении главной задачи, поставленной В. И. Лениным, — добить Деникина. Люди из Саратова, во главе которых идут большевики Извеков и Рагозин, — в первых шеренгах борцов за новую жизнь.

Старый уклад, казавшийся вековечным, был сломан и потрясен. Это разрушение ощущалось и теми, кто еще мечтал о возврате старых порядков. «Ветшает. И как быстро, за два года такие разрушения», — тяжко думает Мешков.

Так было в те годы не только в Саратове, изображенный в романе ход событий типичен для Советской России тех лет.

Но на саратовских большевиках лежала особая ответственность. Если в первом романе Саратов — один из многих губернских городов, то во втором — это город, в округе которого развертывались решающие события гражданской войны. В ходе военных событий 1919 года определилось стратегическое значение Саратова как «ворот на Москву». В полном соответствии с исторической правдой и рисует Федин обстановку в Саратове «необыкновенным летом» 19-го года. Белые армии рвались к Саратову. Саратов «мешал» соединению сил уральского и донского казачества. Захват города был выдвинут атаманом Калединым как важнейшая задача белых. Рабочие Саратова и их собратья из Царицына должны были сорвать этот весьма опасный для революции план. В «Прологе» к военным картинам романа «Необыкновенное лето» Федин точно воспроизводит крах стремлений белых генералов: «Вожделения Каледина и Краснова соединиться с заволжским казачеством были преемственно унаследованы Деникиным».

В. И. Ленин проявлял особое внимание к этому ключевому городу. В телеграмме В. В. Кураеву, В. А. Радус-Зеньковичу, К. И. Плаксину в Саратов он писал: «Все внимание чистке гарнизона и укреплению тыла. Беспощадно искорените белогвардей-

щину в городе и деревне... Все на военработу! Заставьте всех подтянуться и дисциплинироваться»⁴². Через шесть дней В. И. Ленин запрашивает: «...каких практических успехов достигли, есть ли перелом в гарнизоне? Необходимо особыми отрядами обехать и обработать каждую волость прифронтовой полосы, организуя бедноту, устранивая кулаков, беря из них заложников, подавляя зеленых, возвращая дезертиров»⁴³. Вот во главе одного из отрядов и встали Извеков и Дибич, выполняя ленинскую директиву. Телеграммы Ленина, относящиеся именно к «необыкновенному лету» в Саратове, свидетельствовали, что Ленин доверял саратовским большевикам сложные и ответственные дела и не ошибся в них. Рагозин и Извеков в романе Федина достойно представили своих собратьев — реально существовавших и самоотверженно боровшихся большевиков-саратовцев.

На долю этих людей, выросших в большевистском подполье, выпали тяжелые испытания в годы гражданской, нелегкая работа в мирные годы, труднейшие битвы Великой Отечественной войны. Около них тянется молодая поросль, босоногие мальчишки, устремляющиеся за взрослыми «бить белых»: Ваня Рагозин, Павлик Парабукин, Алеша Пастухов. Пройдут годы, и мы вновь встретимся с ними, выросшими и возмужавшими уже на страницах «Костра», и увидим, что они с честью продолжают дело старших поколений.

Выбор Саратова местом действия романа не случаен. Не просто автобиографические соображения обусловили этот выбор. Здесь голос сердца совпал с требованиями разума.

Именно в Саратове наиболее отчетливо проявлялся образ времени, выступали общие закономерности труднейшего периода в жизни народа. «В ту минуту он (Кирилл Извеков. — П. Б.) отдавал себе ясный отчет, что в охватившей Россию гражданской войне событие где-то под Хвалынском обречено на безвестность и затеряется в общей памяти, как затерялась Репьевка на карте земного шара. Но он отчетливо понимал, что это событие, обреченное на безвестность, составляет неотъемлемую тысячную часть из той тысячи частей, из которых слагается история», — эти думы героя Федина хорошо передают взгляды и убеждения писателя, сливающего воедино историю народа и события родного края.

Главная заслуга писателя и состоит в том, что, с предельной точностью воссоздавая местный колорит, он избежал местной, провинциальной ограниченности и создал произведение и о Саратове, и о России. И если роман Федина является как бы своеобразным путеводителем по Саратову времен гражданской войны, мы вместе с тем видим в нем впечатляющую и правдивую*

вую картину событий, от благоприятного разрешения которых зависела участь всей молодой Советской России. Конкретизация, детали не только не разрушают это впечатление, но, наоборот, проясняют его, делая особо осязаемым, здимым.

События, в которых принимают участие персонажи романов Федина, имеют двоякий характер: это события в их личной жизни и события, связанные с участием в общественной борьбе того времени.

Кирилл Извеков живет в старинном здании саратовской школы, Лиза Мешкова — на неподалеку расположенному подворье Мешкова, их встречи происходят в «Собачьих липках», на Кумысной поляне, на площади около строящегося университета. Семья Парабукиных ютится в ночлежке на волжском берегу. Флигель, где живут Рагозины, а потом устроена подпольная типография, размещается в глубине «мешковского» двора. Ксана Рагозина умирает в саратовской тюрьме, Петр Рагозин отплывает по Волге от саратовского берега.

Во втором романе трилогии к этим местам прибавляются новые: Пастухов встречается с Дибичем на перроне Ртищевского вокзала, Вокзальная площадь в Саратове, вид на Волгу с галереи «дорогомиловского дома», «Липки», Затон, гостиница «Астория», старые казармы, Военный городок, театральная площадь.

События личной жизни теперь более прямо и открыто связаны с участием героев в политической борьбе. Жизнь Извекова и Рагозина целиком подчинена этой борьбе, но и они «не сухари», в это суровое время расцветает любовь Кирилла и Аночки. Рагозин ищет и находит своего сына Ваню, крепнет теплая дружба Кирилла и Петра Петровича, Аночка тянется за Кириллом и по-своему занимает свое место среди тех, кто «строит аэродром будущего».

«Саратов в непрестанной череде потрясений напоминал Кириллу больного, который не успевал одолеть одну болезнь, как на него наваливалась другая. Не успевали миновать «окопные дни», когда горожане толпами ходили на рытье траншей, как объявлялись «недели фронта» с их нескончаемыми мобилизациями». Строже, подтянутее стал вид города, суровое время наложило на него свой отпечаток: «Он (Кирилл Извеков. — П. Б.) шел по тихому городу, но где-то рядом, за близкими пределами улиц слышал нарастающий шум. Вулканическое извержение июля, казалось, подступало к невинному уличному покою. Война катилась на город, война шумела за окопицей». Даже скептику Пастухову видны были эти разительные перемены, они пугали его и подсказали бегство из беспокойного Саратова в

благословенный Балашов, «до чего разительны были изменения, произошедшие за недолгие месяцы. Прежде всего, вокруг стало гораздо больше людей... Что дальше бросалось Пастухову в глаза — это обилие вооруженных красноармейцев. Они тоже непрерывно двигались в людской массе, то группами, то в одиночку. Повсюду над головами взблескивали исчерна-серебристые иглы штыков». Это было время, когда Ленин обратился ко всей стране с письмом «Все на борьбу с Деникиным!». Это была высшая точка напряжения сил в борьбе Советов с контрреволюцией. «Тысяча девятьсот девятнадцатый год был для России таким предельным испытанием, что если бы силы народа надломились и не выдержали бедствий, обрушенных на страну историей, то народ лишил бы себя надолго того будущего, ради которого совершил Великую социалистическую революцию»⁴⁴.

Пройдет 22 года, и снова перед народом встанет с еще большей неотвратимостью та же смертельная опасность, те же единственные рубежи.

И об этом рассказывает писатель в третьем романе трилогии «Костер».

Как он справедливо утверждает, историческое письмо Ленина «касалось будущего всей страны, всего народа, но каждой своей строкой было как бы по отдельному месту, по определенному факту, по особому, как бы вполне конкретному положению. Так, для тех, кто в эти дни жил событиями Саратова, было совершенно очевидно, что отдельным местом, которое будто бы подразумевалось в письме, был именно Саратов». Так казалось и Извекову, и Рагозину, более того, им было ясно, что этот призыв партии относится и непосредственно к ним, требуя, чтобы они бросили «счеты» (Рагозин — зав. саратовским фин-отделом) и «промакашки» (Извеков — секретарь исполкома Саратовского горсовета) и пошли на фронт бить врага. В конце романа мы расстаемся с Извековым на Южном фронте в штабе Первой Конной армии и уверены, что и Рагозин вскоре выполнит свое обещание: «Я скоро за тобой следом». Так в личных и общественных судьбах людей из Саратова проявляется действие больших исторических событий, а повествование о них дает возможность осветить «общий смысл совершающегося в России».

Методологической основой общей характеристики переломных 1910 и 1919 годов явились для писателя работы В. И. Ленина.

Еще в статье «Начало демонстраций» (1910 г.) В. И. Ленин писал: «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступавший — хотя и с большими перерывами — с 1905 по

1909 год, собирается с силами и начинает переходить в наступление. <...> Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет на встречу новой революции»⁴⁵. История целиком подтвердила правильность ленинского прогноза. Так повсеместно было в России, так было и в Саратове. Самоотверженная борьба Рагозиных увлекала за собой Извековых.

1919 год В. И. Ленин характеризовал как «один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»⁴⁶. И эту правду истории писатель передал и в художественных образах и в хроникальных «военных картинах» романа «Необыкновенное лето». Роман дает живое ощущение этого самого критического периода гражданской войны, когда и люди из Саратова показали «чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции». За большевиками Рагозиным и Извековым шли люди, которые поверили в революцию: солдат Ипат, моряк Страшнов, офицер Дибич, рабочие, матросы, красноармейцы. «Народ был уверен в правде революции и доверял лучшей, здоровой, сильнейшей своей части — рабочей части населения, считая, что именно эта часть населения — пролетариат — направит всю жизнь на справедливый для него, народа, путь». В неразрывном единстве партии, пролетариата и всего народа видит Федин один из важнейших источников победы.

Привлекаемые писателем для создания исторически и конкретно достоверной картины событий документальные материалы давали ему не только факты, но и их оценку современниками, так сказать, их видение глазами соратников Извекова и Рагозина. В этих материалах подчеркивалось окраинное положение Саратова, дух народных восстаний Разина и Пугачева, еще сохранившийся в степях Заволжья. Здесь «пробовалась прочность русского копья, здесь мерилась крепость сабель, здесь посвист казака играючи перекликался со свистом пули. От поля Куликова до Степана Разина, от Пугачева до неистребимых вольниц волжского понизья... звоном оружия вырубалась история народной славы, народного недовольства, народного гнева».

В этих материалах содержалась и оценка стратегического положения Саратова как «ворот на Москву», а Саратовской губернии — как «огромного клина, вбитого в земли казачьих войск». Под пером писателя эта оценка была развернута в емкую и сложную метафору: «Казаки уральских и оренбургских степей должны были сомкнуть звенья мертвой цепи вокруг Республики Советов. Саратов в этой борьбе громадного стратеги-

ческого масштаба был рукоятью меча, опущенного клинком вдоль Волги, на юг, и одним лезвием обращенного к западу против деникинских армий, другим — на восток против казаков». Уже не просто «клинов», а «рукоять» огромного волжского меча... Кто схватит за рукоять — того и меч будет...

На основе описываемых контрреволюционных восстаний в Саратове 16 мая 1918 года писатель дал развернутую характеристику события: «Когда главные силы были отправлены на Уральский фронт, в оставшихся частях Саратовского гарнизона вспыхнул бунт. Тайные офицерские организации объединились с правыми эсерами и спровоцировали выступление одной из батарей против отправки на фронт. Солдат напоили, началось подстрекательство к избиениям, были арестованы представители Совета, сами собой начали разряжаться винтовки и палить орудия... некий казачий офицер Викторов составил за ночь план разрушения здания Совета и с утра открыл из орудий ураганный огонь по городу. Отряд в полтораста рабочих удерживал разъяренный нажим бунтовщиков на Совет, пока мятеж не был подавлен ответным огнем». Писатель не просто приводит факт тревожной жизни Саратова той поры, но вскрывает причины и обстоятельства и называет действующие силы.

В документальных материалах Федин находил множество деталей и фактов и улавливал общую атмосферу того тревожного времени.

А материалы где-то подтверждали и даже сливались с личным опытом писателя. Ведь с 1919 года он был секретарем исполнкома Сызранского горсовета и оттуда ушел на фронт.

Выступая на встрече в Саратовском университете 9 марта 1949 года, Федин говорил: «Источники все же были недостаточно обширны — основное место занял материал воспоминаний: 1919 год застал меня в Сызрани, которая была близка по атмосфере к событиям в Саратове... Кроме того, я служил в Петрограде в отдельной Башкирской дивизии, защищал Ленинград от Юденича, атмосфера была схожей. Остальное — труд». Труд помог развернуть скучные сообщения хроники о постановке в Саратове для красноармейцев пьес Шиллера «Разбойники» и «Коварство и любовь», о переоборудовании в саратовском Затоне буксиров и барж в боевые суда, о том, что в этом деле отличался рабочий Ковылкин, который затем был назначен комиссаром флотилии, в многоцветные, волнующие картины романа, имеющие в его художественной системе важнейшее значение.

Постоянное стремление писателя к исторической точности не ограничивает художественную логику произведения.

Когда нужно, писатель смешает события, переносит их хронологически. Так, отряд Дибича — Извекова выступает на подавление кулацких восстаний в Хвалынском уезде осенью 19-го года, в то тяжелое время, когда западные уезды губернии разорялись бандами, когда Ленин требовал покончить с кулацкими мятежами. Такое сближение как бы сгущало тяжесть обстановки, в которой жил Саратов в 19-м году, оно связывало местные события с событиями во всей стране. Писатель знал, что в действительности в это время не было нужды в посылке из Саратова в Хвалынский уезд военных отрядов. В Хвалынске восстания происходили в январе и осенью 1918 года. Первое восстание было подавлено местными силами, а второе — отрядом, посланным из Саратова. Осенью 1918 года восстания «зеленых» вспыхнули в пяти волостях Хвалынского уезда. В романе они отнесены к осени 1919 года. Впрочем, в данном случае писатель не приводит точного названия мест, где действовал отряд Извекова, кроме боя за Репьевку. «Само название села — Репьевка, не существующее в Хвалынском уезде, подоказано мне памятью о сызранской Репьевке», — пишет Федин⁴⁷.

Действие третьего романа трилогии вышло за пределы Саратовской округи, оно происходит в Москве и Бресте, Туле и Ясной Поляне — в тех местах, где совершались события, связанные с Великой Отечественной войной.

В опубликованных первой и второй книгах «Костра» действуют люди, сформировавшиеся и выросшие в Саратове на волжских берегах. И по-прежнему возникают образы родной Волги. «На мосту через Оку Анна Тихоновна сказала, что эта река почему-то ее всегда волнует. — Это почти Волга, — ответил Цветухин. — А Волга — что может быть роднее?» Думается, что это мысли и слова не только Цветухина, а самого писателя.

В черновых набросках есть у писателя глава, в которой рассказывается о том, как поздней слякотной осенью тяжкого 41-го года Лиза мечется по прифронтовым госпиталям, отыскивая своего тяжелораненого сына, и находит его в Саратове, в госпитале, ослепшим от ран... Писатель запрашивает, где в ту пору в Саратове помещался глазной госпиталь, и очень хочет поместить его в хорошо знакомое ему красно-кирпичное здание глазной клиники Мединститута. Судя по замыслу писателя, перед нами уже не слабовольная, податливая Лиза, а подлинный апофеоз русской матери! В письме к Л. Невиной от 22 декабря, опубликованном в «Литературной газете» 16 февраля 1972 года, Федин писал: «Пастухов (...) Он многое в себе поймет и пере-

оценит перед своей смертью во время Отечественной войны (...).
Лиза Мешкова противоположна Пастухову. В войну, вопреки
своей «жалкой судьбе», она покажет себя возвышенной.
Но Вы неправы, что Лиза «развенчает Мари». Это только дру-
гой аспект верности — аспект материинства. Это, видимо, не тот
характер, в каком «нуждается эпоха». Но ни одна эпоха не мо-
жет обойтись без характера Лизы: сердце этой непрятязатель-
ной женщины выше ее разумения. Пастухов изумится, увидев ее
«слабости», быть может, великую силу человечества — силу
матери (они встретятся в новом романе)».

Старейшина советских писателей, наследник и продолжатель дела Горького

Более полувека захватывает творческий путь К. А. Федина. Мальчик из Саратова прошел с честью и всенародной славой этот сложный путь. Это писатель, непременным признаком художественного стиля которого является своеобразный сплав историзма и автобиографизма, народоведения и краеведения, он всего менее ограничивает себя «околицей» родных мест. Его творчество принадлежит всей нашей литературе, которой он бесконечно предан, она для него «мир, который я люблю, дом, в который я спешу, где бы я ни был, это очаг, меня согревающий и мне дающий свет».

Федин — старейшина советских писателей, один из первооткрывателей советской литературы, представитель того поколения писателей, которое рождено Октябрем. Его творчество шло с веком наравне. В его произведениях мы видим народ в разные моменты истории: в годы царизма, в напряженные годы гражданской войны, в период первых пятилеток, в грозовые дни Великой Отечественной войны — в трудные, переломные, даже трагические времена.

Идейный пафос, звучащий во всем им написанном, можно выразить принадлежащим самому писателю определением: «Искусство только тогда искусство, когда оно огнем своего сердца озаряет путь народа к будущему, художник тогда любим народом, когда в мире, расколотом на угнетенных и угнетателей, протягивает руку человеку труда и идет вместе с ним»⁴⁸.

В этом жизненном и писательском credo — высокие требования к искусству и его творцам, к самому себе, требования высокой партийной и подлинной народности творчества.

Федин — писатель широкого диапазона, огромных творческих возможностей: романы и повести, рассказы и очерки, пьесы и инсценировки, мемуары и критические статьи, публицистические выступления и теоретические, историко-литературные работы, мудрые беседы о мастерстве. В любом деле отчетливо проявляются творческая индивидуальность писателя, его человеческие качества.

Но по складу своего дарования, по постоянству устремлений он преимущественно романист. Именно в жанре романа наиболее полно и отчетливо раскрываются его писательские возможности. Созданные им семь романов — огромный вклад писателя в советскую романистику, значительнейшие вехи ее истории, обогащение современного мирового романа.

Справедливо пишет М. Кузнецов: «В них в сжатом виде и история нашего романа на разных этапах... Тут и история творчества прекрасного художника»⁴⁹.

Разнообразные по темам, «населенные» множеством персонажей романы К. Федина объединены его постоянным стремлением «найти образ времени и включить его в повествование на равных и даже предпочтительных правах с героями». Это — художественный образ переломного в истории нашего народа, в судьбах человечества времени «великих перемен и великих свершений». Германия и Россия времен первой мировой войны, революции и гражданской войны запечатлены на страницах первого романа «Города и годы» (1924 г.), революция и гражданская война — в романе «Братья» (1926—1928 гг.), мир капитализма и новая жизнь, строящаяся в Советской стране, — в романе «Похищение Европы» (1930—1935 гг.), столкновение людей нового и старого общества — в романе «Санаторий Арктур» (1940 г.); романическая трилогия, повествующая о событиях 1910, 1919, 1941 годов — времени труднейших испытаний: «Первые радости» (1943—1945 гг.), «Необыкновенное лето» (1945—1948 гг.), «Костер» — роман, над которым и теперь трудится писатель.

Это масштабные произведения, отмеченные печатью подлинного историзма. Из семи романов три — о Западе, три — о России, седьмой — о войне с гитлеровцами. «Семь романов, и каждый раз — новое решение! Каждый раз — выстраданный, творческий, дерзающий ответ художника и мыслителя. Всегда вперед, никогда не повторяясь,— вот девиз Федина-романиста»⁵⁰.

Федин — не только выдающийся мастер романа, он его вдумчивый теоретик, убежденный в огромных и все возрастающих, еще не использованных возможностях этого жанра.

Еще в 1934 году он писал: «Почему же роман стал центральным жанром советской литературы? Потому что революция требует широких обобщений, требует развернутых картин действительности, требует осмыслиения нашей истории, нашего героического настоящего, требует больших прогнозов»⁵¹. В утверждении советского романа центральным жанром нашей литературы весьма весом вклад Федина-романиста. Его романы и отличают-

ются широтой обобщений, яркостью развернутых картин действительности, осмыслиением событий нашей истории. Теоретические убеждения подкрепляются художественным опытом.

На дискуссии о судьбах романа, состоявшейся в 1963 году в Ленинграде, писатель говорил: «С середины двадцатых годов рядом с революционной поэзией, набравшей высоту раньше, поднялся роман — тот новый роман, который затем десятилетия представляет советскую литературу дома и за рубежом. В основе его новизны лежит тематика, почерпнутая из исторического опыта современности. Отношение романиста к форме вытекает из признания ее производности от материала, взятого художником. Форма — не одежда, заготовленная впрок. Так как материал действительности непрестанно движется, то и воплощение его художником в романе, естественно, должно претерпевать изменения»⁵².

Отзвуком постоянных забот о судьбах романа, неизменным стремлением дать отпор ретивым «ниспровержателям» романа наполнена и его беседа с Н. Маром в феврале 1972 года. «Некоторые ретивые могильщики романа еще лет сорок назад шумели, что он якобы отживает свой век, хиреет и т. д. С той поры желание «похоронить» роман не исчезло — оно лишь все время видоизменяется... Например, французы недавно пришли к «новому роману», а сейчас кое-кто из них пишет «новый новый роман»... Мне кажется, что во всем этом частично существуют... шутливые элементы. <...> Не мудрено, что могильщики романа опасаются, много ли останется от их отпеваний, если заговорить о романном жанре «по-настоящему», без «новых новых шуток».

Роман — становой хребет и вершина прозы...»⁵³.

Эти слова писателя отражают и его собственный опыт и опыт современной советской и мировой литературы. Именно в романе и примыкающей к нему объемной, так сказать, «широкоформатной» повести наиболее полно раскрываются возможности литературы как искусства: передать движение жизни в мире и в человеке, показать в действии человеческие массы и углубиться в тайны человеческой психологии, вы светить «образ времени» и вылепить неповторимые и в то же время типические человеческие характеры, раскрыть конфликты глобальные и интимные, дать нелегкую работу для ума и эмоциональную «зарядку» сердцу, заставить призадуматься над собой, своими поступками, подвинуть на трудное дело, укрепить «невидимую крепость — крепость души...».

Все это в возможностях романа. Труд и талант превращают эти возможности в действительность, и только тогда рождается

произведение, которое можно назвать высоким и ответственным словом «роман».

Федин с особой взыскательностью и ответственностью относится к писательскому труду. Его колоссальная работоспособность взаимодействует с такой же колоссальной требовательностью.

Мне не раз приходилось видеть рукописи писателя, наблюдать его в работе. На странице, заполненной словами, написанными четким и изящным почерком, в ряде случаев остается только несколько десятков слов, остальные в буквальном смысле «вырублены» — полностью зачеркнуты красным или синим карандашом так, чтобы зачеркнутое, откинутое слово больше «не лезло в глаза». Ищутся новые слова и их сочетания, возникает фонетический ряд, проверяется звучность, уточняются характеры, действия, описания...

В ответах на анкету журнала «Вопросы литературы» Федин писал: «За письменным столом провожу от двенадцати до шестнадцати часов в день. <...> Я отдаю своим книгам все, что имею. И больше того, что имею, дать не могу»⁵⁴.

Зимой 1940 года в яснополянском доме Л. Н. Толстого К. А. Федин напряженно работал над завершением романа «Санаторий Арктур».

В письме к С. А. Толстой-Есениной 27 февраля 1940 года он писал: «Самый тяжелый труд для меня, писателя, есть труд писания. Я, кажется, довольно легко сочиняю, у меня очень много замыслов, среди них — подробно подготовленные в воображении. Но писать — для меня — вполне каторжный труд, и — кажется — чем дальше — тем больше»⁵⁵.

На вопрос корреспондента «Литературной России» перед публикацией переписки с С. А. Толстой-Есениной писатель добавил: «Иногда в душе моей — ангельские хоралы и песни небесные, но чаще — катаргра. Так сейчас и так у меня было всегда»⁵⁶.

Еще в 1959 году в письме к автору этой работы К. А. Федин писал: «Я чем дольше живу, тем более понимаю смысл общепризнанной категории «историзма»⁵⁷. Категория историзма свойственна мышлению писателя, его романному творчеству.

Открывая в 1967 году юбилейный пленум творческих союзов, он говорил: «Вся Москва, а с нею все ближние и дальние земли Советов строили и на глазах наших в дружбе продолжают строить свою историю»⁵⁸. Эти слова о строительстве своей истории сказаны не только ради исторической юбилейной даты. В них выражен основной мировоззренческий принцип писателя, ставший опорой его эстетической системы.

Историзм в эстетическом освоении действительности — это исторический взгляд на современность, понимание движения истории к будущему, проникновение в истинную сущность далекого и близкого прошлого.

Уже в начале 20-х годов молодой писатель обнаружил зрелость, определенность и устойчивость в понимании недавно совершившихся событий. Именно в этом «тайна» долголетия романа, который недальновидная критика тех лет объявила ошибочным и антиисторическим. В романе «Города и годы», обращаясь к недалекому прошлому, писатель сумел нарисовать исторически точную картину, увидеть еще в зародыше те страшные явления немецкой жизни, которые через десятилетие привели к фашизму. «Бывает, — говорил Федин, — что воображение поражают явления, которые еще не развились и не закрепились в названиях. Маркграф фон цур Мюлен-Шенау в романе «Города и годы» — типичный фашист. В прусском милитаризме я уже видел зародыши фашизма тогда, во время своего четырехлетнего пребывания в Германии»⁵⁹.

Роман «Города и годы» был одним из первых художественных полотен о войне и революции. «Я почувствовал, — писал Федин уже в 1930 году, — что другой материал, собирающийся мною на протяжении всей войны и первых лет революции, созрел во мне настолько, чтобы стать материалом писателя... Так я написал новую книгу «отстававшую от эпохи»⁶⁰. Но во временном отношении роман не отставал от эпохи, в 1922—1924 годах Федин писал о событиях войны 1914—1918 годов, революции и гражданской войны 1918—1919 годов. Зыбкий материал современности становился предметом искусства. «Созрел» не материал, а писатель «созрел» для такого сложнейшего материала, на котором он поставил проблемы, волновавшие тогда многих: интеллигенция в революции и революция для интеллигенции, народ и революция, гуманизм истинный и ложный. Мы подчеркиваем эту многопроблемность первого фединского романа и потому, что все еще существует одностороннее мнение о том, что это «роман об интеллигенции в революции», и потому, что уже первый роман выводил писателя на сложнейшие проблемы революционной действительности, проблемы исторического бытия народа в его различных проявлениях в труднейшие, переломные и трагические времена.

Нельзя сосредоточить внимание только на интеллигенте Андрее Старцове и даже на одной действенной жестокости Курта Вана, не принимая в расчет остального. В романе читатель видит два лагеря людей: тех, кто за революцию, и тех, кто против нее. Если крупным планом выписаны образы людей из среды

мятущейся интеллигенции, то им противопоставлены люди из народа, русские крестьяне. И, может быть, самый сильный из них, так восхитивший Горького, образ Лепендина. В нем отчетливо проступают черты характера русского крестьянина, понявшего, что революция отдала ему землю. Это он, Лепендин, сурово говорит о том, что стяжателю дяде Киселю возвращаться на родину, где народ стал жить по-новому, не нужно. Из среды рабочих в романе дана фигура парня, «крепко сбитого из камня, в пиджачке и куцем картузе на затылке», который растолковывает пленным смысл совершающихся в России событий. Писатель показывает гражданскую войну как классовую борьбу, в которой на стороне революции стоят народные массы.

Восторженное приятие и даже прославление грандиозных событий революции вложено в уста «оконного профессора» — образа, сделанного тепло и любовно. «Еще один раз рождается, еще один раз, боже мой! Через сто лет. Чтобы увидеть, как люди плачут при одном упоминании об этих годах, чтобы где-нибудь поклониться истлевшему куску знамени, почтить оперативную сводку штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии! <...> Через сто лет рождаются и вдруг сказать: а я жил тогда, жил в те годы! И однажды, сырой холодной ночью, в Петербурге, в Петрограде, в Питере рыл окопы вот этими руками, шел по пустынной улице, по городу, который умирал и дрался...»

Бот какими были те годы! Молодой писатель оказался прав, еще не прошло ста лет, а мы с благоговением относимся к борцам тех лет, к их знаменам, документам, ко всей начальной поре становления новой жизни. Все существо романа вело к утверждению мысли о том, что только революция через все трудности, потери, неизбежную жестокость откроет новую жизнь.

«Я, — писал впоследствии Федин, — хорошо вижу, что герои романа — только малая часть образов, из которых слагалась картина двух миров той эпохи»⁶¹.

Но то, что было взято писателем из жизни, получило подлинно художественное выражение в романе: правда жизни в развитии нового, в умирании сил, цепляющихся за старое, острота сюжетных конфликтов, сочетание красочного вымысла с почти протокольной передачей жизненных деталей, умелым использованием богатого автобиографического материала. Писатель берется за изображение событий большого исторического масштаба, раскрывая в этих событиях характеры людей и их судьбы. Уже в первом романе проявились такие качества, которые во многом определили особенности романистики Федина. Прав Н. С. Тихонов, который заметил, что, «если взять первый его роман и последний, они образуют как бы мост, перекину-

тый через годы, но сближающий, как берега, события «Городов и годов» с событиями «Необыкновенного лета»⁶².

Роман К. Федина уже давно привлек внимание советской и зарубежной критики. Отбрасывая крайности, односторонность и предвзятость многих критических оценок 20—30-х годов, современная критика сделала много для выяснения идейной проблематики, существа образов, художественных особенностей романа, его истинного значения в развитии советской и мировой романтики.

В работах Б. Брайниной, М. Кузнецова, А. Старкова, З. Левинсона, М. Заградки и других этот роман получил всестороннее истолкование. В последнее время в работе В. В. Бузник дана интересная трактовка образа Курта Вана в связи с проблемой гуманизма и подчеркнуто, что писатель убеждает, что «злу человеконенавистничества возможно противостоять только насилием, борьбой»⁶³.

Пятилетие пролегло между первым и вторым романом писателя. А. Старков правильно заметил, что творческая история «Братьев» во многом напоминает творческую историю «Городов и годов»: «Если «Городам и годам» предшествовал «Пустырь», то «Братьям» предшествовал сборник рассказов и повестей «Трансвааль»⁶⁴.

Критика тех лет дружно обрушилась на «Трансвааль», увидев в повести нарочитое искажение жизни деревни. Писатель неоднократно уверял, что кажущаяся «неправдоподобной» история мельника Вильяма Сваакера, забравшегося в смоленскую глушь, основана на жизненном материале, что, кстати, подтвердили и появившийся в «Комсомольской правде» очерк З. Чаган «Сваакер из Павлинова».

Лишь в 50—60-е годы критика оценила усилия писателя всмотреться в облик разбуженной революцией деревни, максимально правдиво воспроизвести «уродства жизни». «Я сейчас кончу рассказ — «Трансвааль», — писал он Горькому 11 февраля 1926 года, — в нем выведен настоящий крепыш, человек очень любопытный, характер замечательный. Но ведь этот мой герой — негодяй!»⁶⁵ Не апология кулачества — в чем обвиняли Федина критики, а изображение одной из его разновидностей в примечательном, «потешном» характере, в «негодяйских» проявлениях. В таком непредвзятом прочтении и эта одиозная повесть просматривается как ступенька на трудном восхождении писателя к созданию «образа времени», к художественному воплощению принципа историзма. Второй роман К. Федина — свидетельство успехов писателя на этом пути.

Критика неоднократно подчеркивала идеально-творческую близ-

зость его к предыдущему роману. Это действительно так. И события, положенные в основу повествования, — это события войны и революции, и главные герои — интеллигенты той же формации, и проявления «смятенной» композиции, и речевые особенности — роднят эти два романа.

Но главное все же в другом, движение писателя в постижении принципов конкретного историзма, масштабность повествования, охватывающего и конец прошлого, и середину 20-х годов нашего века, самые различные социальные слои, исторические события и психологические катаклизмы, проблемы войны и революции, искусства и народа, гуманизма и жестокости... В письме к Горькому в 1926 году Федин писал: «В романе будут у меня такие люди — «иногородние», уральцы, то есть купцы Нижне-Уральска, казаки с фарфосов (форпостов), немного волжан, много столичной интеллигенции — питерцев, иностранных людей немного; зверств тоже немного, смертей среднее количество, ужасов в меру. Время наше, то есть и предвоенные годы и теперешний Ленинград, и даже гражданская война, но тоже в умеренной дозе (будет бой сынов с отцами на реке Чагане). Вообще хочется сказать о времени такое, что оно вовсе не нарублено кусочками, как капуста, а целостно, и что так называемая современность деликатно заготовлена нам нашими многоуважаемыми родителями. Трудность тут в композиции, черт ее знает, как свернуть в трубку конец прошлого века с пятым и двадцать пятым годами»⁶⁶.

Как видим, писатель стремился к созданию целостного образа времени, в котором современность воспринималась бы в связи с прошлым, прослеживались бы тенденции роста жизни, развития истории.

Крепнувший историзм потребовал от писателя уделить гораздо больше внимания активным силам жизни, отвести значительное место конкретно-психологическому изображению большевиков. Это — Шеринг, Ростислав Карев, Родион Чорбов. Разными путями пришли эти люди к революции, но она стала делом их жизни. Для писателя это люди, достойные уважения и признательности, положительные герои его романа. Особенно внимательно и убедительно выписан Родион Чорбов. Судьба лоцманского сына, человека из «низов», во многом противопоставлена судьбе среднего сына, «казака по роду, по крови, по уральской степной волюшке», Василя Леонтьича Карева и музыканта Никиты Карева. Примечательно, что писатель все время подчеркивает, что в их противоборстве верх одерживают не только идеи Родиона, но и он сам как личность во всем, даже в любви Ирины Каревой. Правда, брак Ирины с Родионом мало

психологически обоснован и скорее воспринимается как своеобразная подчеркнутая условность.

Наша критика сосредоточивала почти все внимание на Никите Кареве, утверждая, что с ним связана и центральная проблема романа — трагедийность искусства. Нам представляется, что это далеко не полная и односторонняя трактовка и проблематики романа и этого образа. «Мир отвергал Никиту Карева, чтобы принять», принять через его музыку, через искусство, которое становится нужным революционному народу. Через утраты, но и приобретения идет Никита к постижению правды Ростислава — правды победившей революции. Открытый конец романа дает возможность лишь домысливать дальнейшую судьбу Никиты. Но многозначительный, как всегда у Федина, эпиграф к роману: «Прощай, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!», — приводит к мысли, что сам писатель прощается и с таким обликом героя, и с типом художника, так трудно приходящим к революции.

Мы уже обращали внимание на то, что одним из признаков конкретного историзма в этом романе является широкое привлечение автобиографического саратовского материала.

В 1928 году, после приезда из-за границы, в беседе с писателями Горький, как вспоминал Федин, говорил: «Я привык смотреть на литературу как на дело революционное. Всякий раз, когда я говорю о литературе, я как будто вступаю в бой, я готов, бывало, поссориться с действительностью во имя человека, который мне дороже всего, выше всего... надо ставить, выискивать и открывать положительные черты нового человека. Вчера пришел в жизнь новый человек. Пришел в новую жизнь... Он себя не видит, он хочет себя узнать, он хочет, чтобы литература его отразила, и литература должна это сделать... Я думаю, необходимо смешение реализма с романтикой. Не реалист, не романтик, а и реалист и романтик — как бы две ипостаси единого существа...»⁶⁷.

Еще в 1920 году Горький требовал от молодого Федина произведений, которые бы отражали главную особенность исторического развития действительности: «зачатие, рост нового, новой жизни», нового человека. И через восемь лет он настойчиво повторяет это требование. «Я, — продолжает Федин рассказ об этой встрече с Горьким, — в этих словах о слиянии двух начал — реализма и романтики — услышал оценку всего сделанного советскими писателями за истекшие годы, вывод из нескончаемых размышлений о русской литературной жизни. И мне показалось, что соединением этих начал лучше всего характеризуется сам Горький — с романтизмом его мечты о великом будущем

нашего народа, с реализмом строительства этого будущего... Московский день, проведенный с ним этим летом, стал для меня памятной гранью, которая заканчивала большой путь двадцатых годов...»⁶⁸.

«Памятная грань» действительно итожила фединское творчество 20-х годов со всем тем обретенным и найденным, со всем тем, в чем еще сказывались и веления литературной моды («смятенность композиции», «легкий бред сказом», ошибочное понимание новаторства) и давление среды и времени («серапионовские» влияния, «литературная корь», опасение браться за изображение во весь рост нового человека в быстро меняющейся действительности).

Творческая индивидуальность писателя уже определилась: умение взять для изображения сложные общественные события, раскрыть важнейшие проблемы, внутренний мир героев в его социальной обусловленности, с широким использованием фактического, в том числе и автобиографического, материала, строить развитие действия на контрастах, подчинять форму, в том числе и язык, идейной сути содержания — вот к чему пришел писатель к концу 20-х годов. Он уже создал романы, привлекшие внимание читателей и свидетельствующие о его ярком даровании.

30-е годы — новый период его творческого развития. В 1934 году вышла в свет первая книга романа «Похищение Европы», в 1936 году — вторая. Роман Федина появился после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, констатировавшего «большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства». Федин помогал Горькому выполнить ответственное задание партии — сплотить на позициях социалистического реализма основные кадры советских литераторов.

Выступая на Первом Всесоюзном съезде писателей, он говорил, что «большие вопросы действительности стали тематической задачей нашей прозы... Найдена широкая тема, общая для всех социалистических литератур: тема современности, тема нашей действительности»⁶⁹.

Сам писатель включился в разработку этой широкой темы. Поездки за рубеж дали ему обильный материал для понимания действительности, исторического развития современности, направления движения жизни.

Писатель так характеризовал замысел романа: «Мысль о романе, посвященном современному Западу и его связи, или, пожалуй, лучше его столкновению с Советским Союзом, пришла мне в 1929 году, вскоре после поездки по Европе, когда я побы-

вал в четырех странах... В 1930 году план этот установился: я знал, что буду писать о голландских купцах, о лесной торговле, о нашем Севере, о наших новых людях и новой работе... Я ограничил действие своего романа примерно 1929—1930 годами, но в эти условные рамки внес отдельные элементы явлений позднейших трех лет, стремясь таким путем создать общий облик и вызвать чувство нашей эпохи»⁷⁰.

Роман «Похищение Европы» — картина современности, увиденная глазами советского человека. Коричневая чума фашизма разливается по Европе, буржуазия ищет выхода из кризиса на путях развязывания войны и установления фашизма. Мир катится к катастрофе — таков исторически обоснованный и полностью оправдавшийся прогноз романиста. Только советский общественный строй и советский человек — та сила, которая способна спасти человечество. Таков замысел, материал и идейный пафос романа — одного из самых значительных явлений литературы 30-х годов.

Но и этому роману «не повезло» в критике: его автору поставили в вину неполнценное изображение большевика Рогова (Федин потом скажет: «Нигде в моем романе не говорится, что Рогов — большевик»), «одномерное» изображение советских людей, не «уравновешивающее» полнокровное изображение капиталистов и отсюда «перекос» в изображении социальных отношений.

На ленинградской дискуссии по роману прозвучало и слово «авария». Отвечая критикам, Федин сказал: «Похищение Европы» — это «авария», но «авария» на главном пути литературы, с нажимом на «авария». Теперь представляется, что последняя часть фразы была уступкой рассерженной критике, хотя сам писатель уже тогда видел и образные и композиционные просчеты в своем сложном романе. «Я не мог найти реальных, «деловых» обстоятельств, в которых капиталист мог бы сталкиваться с эквивалентным образом из советского мира... Я должен был расчленить, говоря очень грубо, «советский противовес» на Рогова — человека довольно изысканного и коммуниста Сергеича — человека волевых и прозрачных нравственных качеств», — писал Федин в 1936 году⁷¹. Следовало учесть и ту особенность романа, на которую тогда критика не обратила внимания: историческая публицистика (особенно во второй части) значительно и отнюдь не потеснила приемы психологической характеристики, а некоторые персонажи романа выступили более как показатели определенных социальных слоев и свойственных им тенденций. Таковы и Юстус Элдеринг-Гейзер и гер Криг и, в значительной мере, Рогов. При таком писательском замысле неправомерны

упреки в недостаточности и незавершенности их психологического рисунка.

Роман Федина обрел долгую и завидную жизнь. На международном симпозиуме по творчеству Федина литературоведы из ГДР, ЧССР, Болгарии и Венгрии недоумевали, почему в свое время мы так легко отказались от романа, отличающегося точной исторической характеристикой эпохи и справедливыми социальными прогнозами. Они называли этот роман в числе тех произведений, которые открыли в мировой литературе плодотворную полосу исканий в документальной, исторической романной публицистике.

Писательские находки не были утеряны в последующем творчестве. Есть все основания утверждать, что, не вступив на эту ступеньку, Федин не поднялся бы к последующим вершинам романической трилогии. Впрочем, трилогия не могла бы возникнуть не только без находок «Похищения Европы», но и без достижений в камерном романе с углубленной психологической основой, каким явился «Санаторий Арктур» (1940 г.). «Я даю картину западной жизни, подавленной испытаниями этих лет», — сообщал о романе Федин⁷².

«В «Санатории Арктур», — пишет М. Заградка, — Федин как бы снова проверяет точность и правильность своей картины европейского общества»⁷³. Только теперь противопоставление двух миров дано в психологическом плане. В основу романа легли и личные впечатления Федина, тоже лечившегося в одном из горных санаториев Давоса. Капиталистический кризис давит на сознание обитателей санатория Арктур, во многом определяется их сознание и поступки, приводит к трагическому исходу судьбы доктора Клебе. Только единственный обитатель санатория сотрудник советского торгпредства Левшин — посланец другого мира. «Его преимущество перед остальными пациентами Арктура, — пишет А. Старков, — ...в том прежде всего, что, живи он в Давосе и дольше — и тогда он не утратил бы веры в будущее, в то, что друзья на родине ждут его возвращения и что он всегда найдет там применение своим знаниям и силам»⁷⁴. Но такое понимание стержня этого сложного характера пришло далеко не сразу. Сколько упреков выслушал писатель за то, что Левшин был недостаточным воплощением именно советского человека, что не показаны его связи с родиной, его целеустремленность к делу, не отчетливо дано его мировоззрение.

И опять в этом споре с критикой победил художник. В обстановке постоянной угрозы смерти вряд ли были бы уместны в устах Левшина шумные декларации и уж совсем ни к чему политические проповеди перед такими обитателями санатория.

Все это разрушало бы тонко задуманный, выполненный как бы в мягких акварельных тонах образ, было бы чужеродно тому характеру, какой с глубоким проникновением создал художник.

Роман появился в военное предгрозовье, он как бы диссонировал с открыто публицистическими и подчеркнуто социальными романами, определявшими литературный облик тех лет.

Мы считаем, что этот во многом экспериментальный для Федина роман вновь по-особенному дополнял ту исторически точную картину мира на грани неизбежной катастрофы, которую рисовал Федин в «Похищении Европы», а затем в трилогии. Фединский психологизм вливался в присущий ему историзм, дополнял создаваемый им образ переломного времени.

Главным делом писательской жизни Федина, наиболее полным воплощением его идеино-эстетических принципов явилась романическая трилогия. Если вести отсчет творческой истории этого произведения от первоначального замысла (1936 г.), то работа над ним с разной степенью интенсивности заняла более четырех десятков лет. Конечно, за эти годы создавались и другие произведения, но «главная книга» подчиняла себе все, к ней неизменно возвращалось воображение писателя.

Выступая 8 августа 1934 года с докладом на ленинградской конференции писателей, он говорил: «Революция требует широких обобщений, требует развернутых картин действительности, требует осмысления нашей истории, нашего героического настоящего, требует больших прогнозов, обоснованных наглядными образами развития и роста страны. Образ современности, вырастающий из живой действительности, ее идеология и философия — вот цель работы советского писателя»⁷⁵. Это была и цель работы самого писателя.

В городах и селах страны шла великая стройка, все ярче разгорались огоньки будущего. Посетив зимою 1936 года Минск, писатель воочию увидел там рост жизни. «Тогда на этих улицах, — вспоминает он, — я очень сильно ощутил, как наша действительность проникает в старую ткань прошлого»⁷⁶.

По далеким и сложным ассоциациям мысль привела писателя и к родному Саратову, к тем изменениям, которые происходили в его облике. Эти изменения бросались в глаза, как только он после долгого отсутствия посетил родные места и увидел, что «два города стоят на том месте, где был один» («Встреча с прошлым», 1939).

В сознании писателя созревал замысел произведения, рисующего торжество нового, светлого и отступление прошлого, отмирающего. Первоначально ему представлялся хорошо знакомый мир людей искусства. «Шествие актеров» — так называлась

та папка, куда он складывал черновые наброски и заметки к будущему произведению. В центре романа он видел актрису и хотел проследить ее путь «из низов» к славе и признанию. «Ее родина, ее страна, ее искусство меняются, а с ними меняется она сама. Ее город сверкает чистотой света и снегов»⁷⁷.

Но этот замысел еще не захватил творческое воображение писателя. Только с начала 1943 года работа над романом стала основной. Истекшие два года были годами великих потрясений. «Неслыханные события» Великой Отечественной войны, страдания, стойкость, мужество, первые победы советского народа заставили писателя по-иному посмотреть на прошлое, отыскивая в нем те качества, которые помогли нашим людям выстоять и победить. «Все как бы стало с головы на ноги. Первоначальная тема искусства показалась мне лишь одним из мотивов. На первый план выступило нечто более значительное. Это была тема истории»⁷⁸. Главной стала тема исторических судеб народа на решающих, переломных этапах жизни родины. Федин вплотную подошел к современности, к пониманию существа советского человека. Такой замысел давал возможность показать многое: неодолимость нового в движении истории, неизбежность победы над темными силами фашизма, истоки победы в силе и крепости наших людей, становление и развитие большого героя.

Работа над таким произведением и была ответом писателя на то, что внесла в жизнь великую война, его труд руководствовался ясным «сознанием, обогащенным великим историческим опытом».

С самого начала Федину было ясно, что такой обширный замысел потребует и широкого полотна: это должен быть цикл романов. Уже тогда речь шла о трилогии, а когда-то казалось, что будет лишь дилогия. Такая структура романного цикла окончательно установилась ко времени окончания второго романа. Сам писатель вспоминает о напряженности труда: «Никогда прежде я так не изнуриял, я бы сказал, не истязал себя работой, как нынешним летом» (летом 1948 г.—П. Б.)⁷⁹. Наблюдавший работу писателя К. Г. Паустовский сообщал: «Федин мог работать и зачастую работал в любой час суток. Лишь изредка он отрывался, чтобы передохнуть»⁸⁰.

60 печатных листов дилогии были сделаны за 5 лет — с 1943 по 1948 год. (Роман «Первые радости» был напечатан в № 4—9 журнала «Новый мир» за 1945 год, «Необыкновенное лето» — в № 1, 5, 9, 12 того же журнала за 1947 год и в № 4, 10 за 1948 год.)

Романы, созданные в первые послевоенные годы, явились вершинными произведениями литературы этих лет, быстро завое-

вали себе широкую известность и по справедливости были удостоены Государственной премии. Они показали народ на крутых переломах истории, в острых социальных конфликтах, ввели в духовный мир читателей новых значительных и привлекательных героев — «двигателей истории», по словам писателя, доставили то художественное наслаждение, которое всегда дают произведения большого искусства.

Созданные большим и взыскательным мастером, эти романы пролагали путь литературе социалистического реализма, предостерегая и предупреждая писателей против мнимых успехов романов с нарочито облегченными конфликтами, нарядного приукрашивания жизни, против пагубного влияния распространенной в эти годы «теории бесконфликтности».

Свойственная писателю строгость отбора и точность изложения исторических фактов уберегла его и от бытовавших тогда крайностей в оценке роли отдельной личности в движении истории.

Подлинный историзм, не искаженный конъюнктурными суждениями, как и в прежних романах Федина, обеспечили им долгую творческую жизнь.

Это — историзм самого замысла дать широкую картину жизни нашего народа, сосредоточив внимание на особо ответственных переломных моментах его судьбы: 1910 год — окончание глухого безвременья, реакции и начало нового революционного подъема; 1919 год — решающие тяжкие испытания гражданской войны; 1941 год — трагическое начало Отечественной войны.

Всего только три десятилетия из многовековой истории нашего народа, но это десятилетия, коренным образом изменившие мир и человека. Стремителен и неотвратим бег истории, неизбежно в ней торжество передового, рвущегося вперед.

Историзм присутствует не только в философской основе этого сложнейшего произведения, исторические события — объект художественного изображения. Не сами события привлекают внимание писателя, он всегда озабочен тем, чтобы исторически точно передать дух эпохи, создать зримый «образ времени». Время революционного подполья, накал гражданской войны в трудные дни «необыкновенного лета», величайшее напряжение в годину бедствий великой народной войны — вот чем определяет писатель историческое своеобразие каждого этапа.

В трилогии сложна и богата, исторически точна фактическая основа изображаемого времени. Живая действительность лежит в основе исторических обобщений. В речи на открытии IV Все-союзного съезда писателей Федин так определил роль действительности в художественном творчестве: «Действительность есть

фундамент сознания художника, служащий основной опорой двигателя воображения»⁸¹. Писатель неустанно заботился о добротности и прочности того фундамента, черпая материал и из знания жизни, из «кладовой памяти», и из исторических источников, статей и мемуаров, воспроизводящих события этих лет.

Если правдива фактическая основа, добротен фундамент, то выводы подведут к обобщению закономерностей жизни, движения истории. Так возникает органическое слияние образного и обобщенно-философского понимания жизни. Именно такой историзм и присущ трилогии Федина.

Историзм дает ему большую и верную перспективу, обеспечивает точную оценку изображаемых событий и людей, в них действующих, дает возможность понять дух народа, нарисовать выразительный «образ времени». Роман «Необыкновенное лето» прямо открывается авторской декларацией о движении истории. «Для того, кто сознает, что происходящие события составляют движение истории, или кто сам является одним из сознательных двигателей истории, страдания не перестают существовать, как не перестает ощущаться боль оттого, что известно, какой болезнью она порождена»⁸².

Особое место в трилогии занимает завершающий роман «Костер». Работа над ним началась с 1949 года, а особенно интенсивно с октября 1953 года, в ноябре 1961 года была закончена первая книга — «Вторжение», первые главы второй книги «Час настал» появились в печати лишь в 1965 году. Ныне в работе у писателя третья, завершающая часть романа. Многими причинами объясняется такой длительный, четвертьвековой срок работы писателя над романом. Этот роман завершает эпическое повествование о судьбах народных, судьбах человеческих. «Основная тема нового романа — человек в войне. Разумеется, человек изображается во множестве. Это — люди, и — если бы я смел сказать — это народ», — писал автор еще в 1957 году⁸³. В романе не только мир знакомых по прежним двум романам людей, поставленных перед тяжелейшими испытаниями войны, в нем должны были быть те выразители народа, силами которых и творилась эта великая война. Не случайно роман начат «деревенскими главами». Отвечая на вопрос немецкого литературоведа В. Дювеля, писатель говорил: «Крестьянская тема в структуре третьей части трилогии имеет решающее значение. Она будет усиlena во второй половине романа. Я почувствовал, что изображения второй мировой войны только сквозь призму сознания интеллигентии недостаточно. С крестьянскими главами в роман войдет «элемент народного»⁸⁴. Историческая правда потребовала широкого и перспективного введения в роман этого «на-

родного элемента», добывания и осмысления нового материала. Грудную задачу должен был решать писатель, создавая образы Матвея, Мавры и Ильи Веригиных, Тимофея Ныркова, людей деревни Коржики, что на Смоленщине. В них он должен был показать и те черты, которые веками сложились у русского крестьянина, и те, что привнесла колхозная жизнь.

Сложность романа и в том, что он, как и второй роман, тоже о войне, но между этими двумя войнами более двух десятков лет советской жизни его героев. Надо было рассказать о том, как складывалась их жизнь: отсюда частый прием ретроспекции, обращения к прошлому, надо было показать, в чем эта война продолжает прошлую, в чем она отлична от нее. «Мне хочется в «Костре» не просто показать картины Отечественной войны, а раскрыть прямую связь между ней и гражданской войной,— говорил К. Федин в 1959 году.— В девятнадцатом году капитализм наступал на горло революции, в сорок первом он повел наступление на коммунизм. И тогда и теперь старый мир не хотел отступать перед революцией, а революция не идет и не пойдет на уступки старому миру»⁸⁵.

Если считать, что в первом романе Федин изображает нарастание нового не столько в событийном, сколько в психологическом плане, во втором — где-то событийный план превалирует над личностным, находя публицистическое выражение в «военных картинах», то третий роман поднимается до синтеза. «Человек в войне» — главное задание писателя, но ведь и здесь как бы два слагаемых: человек и война. Человек, его способности и качества меряются теперь самой жестокой меркой войны. И хотя роман не закончен, весь ход повествования убеждает читателя в том, что полюбившиеся ему герои: и Рагозин, и Извеков, и Анна Улина — не дрогнут в любых испытаниях, с ними в ряд становятся и молодые герои: Алеша Пастухов, Павел Парабукин, Иван Рагозин, Надя Извекова, Женя Комкова.

В 1964 году Федин размышлял: «Во второй книге участвует много стариков... Но хотелось рассказать и о их детях. Может быть, они как раз и займут более значительное место, чем старики»⁸⁶.

Многозначителен и полон, как всегда у Федина, глубокого смысла эпиграф к роману «Ветер задувает свечу и раздувает костер». Ветер истории раздувает испепеляющий фашистскую нечисть костер народной войны.

В испытаниях войны расправляется душа Лизы Мешковой, переживет нравственный переворот наиболее сложный и противоречивый характер Пастухова.

Рукопись романа на рабочем столе писателя... В беседах с

автором этой книги, в беседах с Б. Я. Брайниной он делился своими дальнейшими замыслами. О них писал А. Старков: «Со слов писателя известно, что во второй книге романа... появится и друг Павла и Алеша по детским играм Витя Шубников, что он ослепнет на войне и за ним, сначала от Васильсурска до Тулы и потом от Тулы до Саратова, проделает тяжелый путь его мать, Елизавета Меркурьевна Мешкова. Известно о предстоящей смерти Пастухова. Известно также и о намерении Федина в последующих главах второй книги «Костра» предоставить самым-самым юным героям романа, Наде Извесковой и ее сверстникам, более широкое поле деятельности»⁸⁷.

Но и то, что уже сделано писателем, позволяет говорить о творческом подвиге, о том, что его трудом и талантом создано одно из классических произведений литературы социалистического реализма.

Охват исторических событий в переломные моменты истории, широта и сложность проблематики, уменье раскрыть судьбы личностей в связи с судьбой народа, глубокая и правдивая характеристика «двигателей истории», мастерство языка, композиции произведения, подлинная народность формы дают все основания определить трилогию Федина как историческую эпопею. В этих качествах она занимает свое место в ряду таких эпических произведений, как «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого. Осуществление замысла такого звучания — великий творческий подвиг писателя.

Создание романов — основное содержание творческой жизни Константина Александровича Федина.

Но все годы писатель активно включался и в жизнь своей страны: общественная деятельность, участие в работе писательских организаций, редакций журналов, публицистические, литературно-критические выступления.

В сызранском журнале «Отклики», а затем в «Боевой правде», «Петроградской правде», в журнале «Книга и революция» с 1919 года началась интенсивная публицистическая работа писателя. На протяжении более полувека звучит его негромкая, неторопливая, далеко слышимая, мудрая речь.

В публицистике Федина при всем ее тематическом и жанровом многообразии можно выделить, так сказать, постоянные типы и неизменные адреса: революция и культура, история и настоящее, традиции и современность, борьба за мир как необходимое условие прогресса жизни, литература и общество, мастерство писателя и литературный язык как его важнейший признак.

Эти проблемы во многом имеют общее, непреходящее значение для современности, для истории. Основная черта его публицистических выступлений — это внимание не столько к самим событиям, сколько размышления по поводу их, извлечение таящегося в них глубокого смысла, адресованы эти выступления широкому кругу советских читателей, нашим друзьям за рубежом, писателям старших поколений и литературной молодежи.

Печатная публицистика больше всего связана с газетой, журналом. Федин убеждает в благотворном влиянии работы в газете для писательского мастерства. «Газета — школа наблюдения жизни. Писатель, работающий для газеты, нуждается в прочных, но подвижных связях с действительностью. Рассказ о чем-нибудь, а больше ни о чем, газета не напечатает. Ее страницы — это наш день. Но она вовсе не ждет от писателя репортажа о событиях дня. Это сделает репортер.

Писатель должен в коротких чертах, в отчетливом действии и проникновенно вскрыть внутреннюю жизнь современного героя»⁸⁸.

В этих словах сформулировано отличие газетной публицистики от текущего репортажа. В ней — человек в деле, его внутренняя жизнь, а через это уже проблемы дня, в репортаже — сами факты и события, представляющие интерес своей злободневностью.

Каждое публицистическое выступление Федина — плод его раздумий, проявление его убеждений. В его выступлениях нет случайного, «проходного», они глубоки по мысли, убедительны по аргументации, совершенны по форме, целеустремленны и отчетливо адресованы.

За последние семь-восемь лет публицистическая деятельность Федина была особенно интенсивной. Свыше 40 выступлений на страницах печати, на различных съездах и конференциях. Это программные речи на открытии объединенного пленума творческих союзов, на открытии IV Всесоюзного съезда писателей, на встрече руководителей писательских союзов социалистических стран. Мастер делится своим творческим опытом (беседа с Ю. Оклянским, выразительно названная «Распахнутые окна»), напутствует «Литературную газету», выступает на расширенном заседании тогда только созданного журнала «Волга», выступает перед студентами Саратовского университета, перед делегатами III съезда колхозников, делегатами XVI съезда ВЛКСМ, перед избирателями.

Еще в 1919 году Фединставил перед публицистикой задачу «удовлетворять эстетические запросы, будить таланты и мысль и воспитывать читателя политически»⁸⁹. Вся последующая его

деятельность и была направлена на решение этой задачи. Он убежден, что писатель «не только писатель: он «дeятель» — человек, вместе с другими людьми делающий жизнь, строящий не один свой, замкнутый в себе мир, но мир общечеловеческий»⁹⁰.

В приветствии правления Союза писателей СССР К. А. Федину справедливо отмечалось: «Как художник и общественный деятель, Вы своим примером служения народу оказываете огромное влияние на формирование новых поколений советской творческой интеллигенции»⁹¹.

Это влияние осуществляется и через творческий опыт писателя, и через советы мастера молодой поросли. В 1957 году первым изданием вышла с тех пор неоднократно переиздававшаяся книга Федина «Писатель. Искусство. Время». В ней он щедро делится с молодыми «секретами» своего мастерства и, обращаясь к ним, выдвигает самые высокие требования — сознавать, что писатель «нужен своему времени, своему обществу, своему народу», что от него ждут «самого деятельного участия в жизни народа».

В 1966 году в книгу «Как мы пишем» Федин включает и некоторые прежние статьи и уже упоминавшуюся беседу «Распахнутые окна». Мысль в них одна — о сложности задач писателя и огромных возможностях литературы. «Дело писателя состоит не в том, чтобы подвести читателя за руку к одному окну и сказать: «Смотри!», но в том, чтобы распахнуть все окна, за которыми видится мир в многообразии красок, залитый светом будущего, достойного борьбы во имя человека»⁹².

С высоким понятием мастерства как «искусства передать правду жизни» связано и требование неустанного, никогда не прекращающегося писательского труда, взыскательного к тому, что именуется литературой. «Как только ты взял перо в руки, ты уже в ответе за свое искусство. Писатель должен раз и на всю жизнь запретить себе писать кое-как»⁹³.

В понятии литературного мастерства одним из важнейших показателей является язык. «Разговор о мастерстве следует начинать с языка». Во всех выступлениях Федина в последние годы проблема литературного языка занимает виднейшее место. Литература не только отражает языковую практику, писатель не только щедро черпает сокровища из современного языка, но и сам «участвует в конструировании речи, в ее развитии». А это в огромной мере повышает роль художника и публициста. «Надо отметить прежде всего жесткую зависимость между художественной литературой и публицистикой»⁹⁴.

«Язык, — говорил Федин на IV Всесоюзном съезде писателей, — наиболее могучий проводник, по силе воздействия на со-

знание человека способный раскрыть смысл революционного движения и побудить к участию в строительстве нового мира»⁹⁵.

Он неоднократно с огромной заботой и большим знанием дела высказывал свои мнения о тех требованиях к языку, какие не может забывать любой писатель. «Требования от писателя чистоты русского языка справедливы. Здесь только надо избегать педантизма» и еще: «Нельзя, конечно, вдаваться в крайности, требовать от художника какой-то стерильности литературного языка»⁹⁶.

Сам писатель необыкновенно взыскателен и строг к языку своих произведений. Языковое мастерство не самоцель, а средство «передать большую правду жизни». Отсюда и его основное требование: отобрать из возможных синонимических слов такое, может быть, единственное, которое способно с наибольшей точностью передать смысл.

Но слово в художественном произведении является и средством словесной живописи, и оно «должно быть музыкально-выразительно», должно хорошо «умещаться» в ритмической конструкции фразы. Идя от слова к фразам, к их сочетанию в пределах абзаца и главы, ко всей словесной ткани произведения, писатель должен избегать многословия, нарочитой усложненности, ложной «красивости», упорно отрабатывать «самые дорогие качества, необходимые художественной прозе: краткую форму, точность выражения, ясность мысли»⁹⁷.

На этой основе писатель и может создать свой собственный, неповторимый языковый стиль, не жалея ни сил, ни труда для его выработки.

«Нельзя идти в литературу на том основании, что ты можешь писать, как «все»... Тебя не может радовать написанное тобою, если его нельзя отличить от того, что пишется «всеми»... ты всегда и во всем ищешь себя, свое сознание, свои приемы лисьма»⁹⁸. Выработка такого стиля — дело всей жизни писателя, она опирается на особенности живого языка народа, на искусство писателей-современников, на лучшие примеры классической литературы.

Эти ответственные и обязывающие мысли мастера, вошедшие в сознание наших писателей, усваиваемые молодежью, должны способствовать поднятию уровня литературного искусства, общему росту мастерства современной советской литературы.

Один из первостроителей советской литературы Константин Александрович Федин — старейшина современной советской литературы не только по положению и возрасту, но и по огромному авторитету и уважению. Он — представитель горьковской ге-

нерации советских писателей, как бы передающей нам «тепло горьковского рукопожатия».

Это огромное счастье для Федина, что с первых шагов литературной деятельности он оказался в поле зрения Горького. Более полутора десятков лет длилась их личная и творческая дружба.

На глазах Горького, под его непрестанным мудрым воздействием писатель вырос в большого художника. Горький узнал начинающего автора по рассказу «Дядя Кисель» и статье «И на земле мир...», под влиянием Горького вскоре были созданы драматические сцены «Бакунин в Дрездене», получили горьковские оценки многие произведения писателя, в том числе рассказы и повести сборников «Пустырь» и «Трансвааль», «Старик», романы «Города и годы» и «Братья», в 1921—1928 годах между писателями шла интереснейшая переписка, затрагивающая сложнейшие идеино-эстетические проблемы. Федин помогал Горькому в сплочении сил советских писателей, в работе по созданию писательского Союза.

И после смерти писателя горьковское начало оставалось для Федина идейно-нравственной основой всей дальнейшей творческой жизни.

Горький помог Федину сравнительно быстро пройти период литературного ученичества, избавиться от некоторых ошибочных тенденций, связанных с влиянием литературной группы «Серапионовы братья».

Он, как вспоминал Федин, «отгонял работу воображения прочь от традиционного в старой литературе интереса к страданию, к обидной жизни единого из малых сил» и призывал любить «существо великое и трагическое — человека, верящего в творческие силы разума и воли»⁹⁹.

Горький, разглядевший одаренность молодого писателя, обращал его внимание на революционную действительность как на могучий источник творчества, предупреждал его против «умалечения человека», против «покорствования фактам», против ошибочного понимания новаторства. Писать надо просто, и чем проще — тем лучше. Да и — страшнее. Время и новый читатель требуют простоты и ясности»¹⁰⁰.

В книге «Горький среди нас» Федин рассказал о своем знакомстве с Горьким, о встречах с ним, о его советах и указаниях: «В 1920 г. в Петербурге познакомился с Горьким — он сделал для меня неизмеримо много»¹⁰¹.

Уже к середине 20-х годов Горький рассматривал Федина как крупного писателя-единомышленника, в переписке между ними (1925—1926 гг.) обсуждаются сложнейшие вопросы лите-

ратурного развития тех лет, уточняются эстетические позиции обоих писателей.

«Не только литераторскими данными, но и близостью, которую ощущал Горький во всем духовном облике Федина, объясняется постоянное привлечение его к участию в многочисленных горьковских начинаниях», — пишет Н. Д. Баранова¹⁰².

Преемственность основной горьковской линии в советской литературе все годы шла через творчество Федина, через систему его литературно-эстетических требований, через его публицистику, через широкое и вместе с тем определенное понимание нового гуманизма.

Федин и современный литературный процесс

Советская литература уже давно является важным фактом и фактором современного мирового литературного процесса.

Книги наших писателей шагнули далеко за рубеж и нашли своих читателей и почитателей в разных местах планеты. Читателю-другу они интересны тем, что несут правду о рождении нового общества, о его социальных устоях, о его идеалах и моральных ценностях, показывают советских людей в мире и войне, устремлены на борьбу за человеческое счастье, проникнуты всемпобеждающими идеями нового гуманизма.

Наши идейные враги всех мастерий и оттенков долгое время пытались сделать все возможное для того, чтобы закрыть от читателя истинную суть и успехи советской литературы.

Творчество Константина Александровича Федина давно известно у нас и за рубежом: вышло 230 изданий его произведений тиражом в 11 миллионов 782 тысячи экземпляров, в том числе и на 25 языках зарубежных стран*.

Романы «Города и годы» и «Похищение Европы» попали в списки запрещенных в гитлеровской Германии книг и горели на фашистских кострах вместе с другими лучшими созданиями человеческого гения.

Ныне в Германской Демократической Республике Федин один из наиболее читаемых и изучаемых советских писателей. Он — большой друг ГДР, его связывает тесная дружба со многими немецкими писателями и прежде всего с Анной Зегерс, он популярен среди немецкого рабочего класса, немецкой молодежи, студенчества.

С большим интересом следит писатель за ростом свободной немецкой молодежи.

Федин подлинный гуманист в горьковском плане и смысле. Его произведения, несущие правду новой России, имеют подлинно общечеловеческое значение. Хорошо сказал Стефан Гейм о той атмосфере, какая присуща романистике Федина: «Какая она

* По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 января 1975 года.

совсем русская, эта атмосфера! И в то же время полная всеобщего значения»¹⁰³.

Действительно, саратовская, волжская, русская атмосфера его романов полна всеобщего, всечеловеческого значения!

Для Федина Волга — высочайшее выражение сущности Родины, средоточие того, чем славна ее история и велико настоящее. «Волга — моя родина. Каждое новое свидание с ней волнует меня, точно, ступив на ее берега, я попадаю в отчий дом <...> Волга в русской жизни — как небо и воздух. Мы дышим Волгой, мы любуемся ею. Мы поем о ней самые сердечные песни. Мы учим детей на ее преданиях.

Волга — родина удали, смелости, народной славы.

Волга — родина русских гениев и талантов. С детства волжанин мечтает о своей реке, как о самом прекрасном из всего, что ему дано на земле» — эти вдохновенные строки, так напоминающие стихотворение в прозе, были написаны 6 августа 1942 года в ту трагическую пору, когда фашистские орды рвались к Волге¹⁰⁴.

Обращаясь тогда к «далекому другу американцу», писатель призывал: «Бой за Волгу — бой за Миссисипи. Все ли ты сделал для того, чтобы отстоять свою родную, свою чудесную реку, американец? Ты сделал не все, если еще не принял участия в боях за Волгу».

Гуманистический пафос нашей литературы, горьковское понимание гуманизма неизменно отстаивает писатель. Им измеряет он и задачи литературы, и долг каждого честного писателя в тревожном мире. «Советские писатели снова напоминают страшный вопрос Горького, в 30-х годах предупреждавшего о наступающей войне: «С кем вы, мастера культуры?» — и приложат живые усилия в неизменной борьбе за упрочение мира и безопасности на европейском континенте... Миру — мир!»¹⁰⁵.

Обращаясь к нашим друзьям, к писателям братских стран, в феврале 1971 года на встрече руководителей писательских Союзов социалистических стран, Федин говорил: «Мы, писатели социалистических стран, являемся знаменосцами передовой культуры. Мы воплощаем надежды и идеалы революционного гуманизма, мы с гордостью и со всей ответственностью сознаем свою роль и свое место в мировой идеологической борьбе»¹⁰⁶. Это образное определение должно быть отнесено и к самому Федину — знаменосцу передовой культуры.

В 30-ю годовщину великой Победы писатель выступил в «Литературной газете» со статьей «Восхождение к вершинам». В ней он предупреждал, что на свете еще «живучи господа, мечтающие о новых авантюрах, им не по душе растущее могущество

во социалистического мира. Смертельный ужас охватывает их при мысли о мирной разрядке, которая жизненно необходима всем народам, а не только нашей стране».

Зоркий глаз, ясный ум, твердые убеждения писателя видят неотвратимость победы светлого человеческого разума над силами зла и человеконенавистничества. «Сейчас поднимается новая волна движения за мир. И писательский разум, который всегда утверждал, что на земле должно жить человеческое счастливое сердце, решительно отстаивает богатые плоды нашей Победы в 1945 году — плоды мира.

Жизнь продолжает свое восхождение. История продолжает свое шествие, неся народам высокое счастье свободного труда и мира»¹⁰⁷.

Мальчик из старого Саратова вырос и, закаляясь в трудах и днях, стал выдающимся писателем современности.

Один из славной плеяды зачинателей советской литературы, художник, творчество которого заняло видное место в духовной сокровищнице нашего народа, мудрый наставник многих поколений наших писателей, авторитетнейший публицист и знаток искусства и литературы, к голосу которого прислушиваются миллионы людей на земле, человек большого сердца и огромного жизненного обаяния, потрясающего эрудицией и дальновидностью, — таков наш Федин.

Размышляя о том, что составляет наше преимущество, писатель утверждал, что оно «в слитности мыслей и дел партийцев и беспартийных, то есть единство партии и народа... В этом сила и счастье советского народа. В этом и ключ для понимания его трудов». И опять, возвращаясь мысленно к родным местам, он с гордостью отмечал: «Как старый волжанин, я, естественно, не могу не обратить внимание на то, какими значительными темпами будет развиваться Поволжье и какое значение будет иметь в этом могучая Волга». К современникам и потомкам звучит его призыв «Беречь надо Волгу!».

Федин, художник и публицист, прозорливый провидец истории, твердо убежден в том, что «во всех испытаниях торжествует правда, начертанная на нашем общем знамени Марксом — Энгельсом — Лениным».

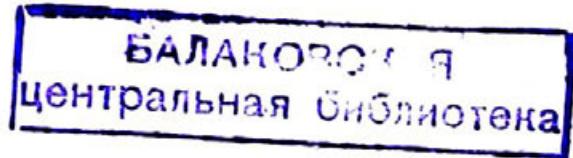
ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стенографическая запись беседы с К. А. Фединым в 1959 г. Мой архив.
- ² Архив Г. В. Рассохина, лл. 1, 2.
- ³ «Волга», 1967, № 2, стр. 23.
- ⁴ С. Краснодубровский. Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891.
- ⁵ «Волга», 1967, № 2, стр. 24.
- ⁶ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., ГИХЛ, 1952, стр. 7.
- ⁷ «Волга», 1967, № 2, стр. 24.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Стенографическая запись беседы с К. А. Фединым в 1959 г. Мой архив.
- ¹⁰ «Литературные записки», 1922, № 3, стр. 27.
- ¹¹ «Волга», 1967, № 2, стр. 26.
- ¹² Там же.
- ¹³ Стенографическая запись беседы с К. А. Фединым в 1959 г. Мой архив.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ «Волга», 1967, № 2, стр. 26.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ «Литературные записки», 1922, № 3, стр. 28.
- ¹⁸ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 6, стр. 77.
- ¹⁹ Там же, стр. 263.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «Волга», 1972, № 2, стр. 171.
- ²² Стенограмма выступления К. Федина, стр. 5—6. Мой архив.
- ²³ Копия письма К. Симонова. Мой архив.
- ²⁴ Стенограмма выступления К. Федина, стр. 6. Мой архив.
- ²⁵ «Литературная газета», 1965, 20 июля.
- ²⁶ «Коммунист», 1966, 25 октября.
- ²⁷ «Коммунист», 1972, 24 февраля.
- ²⁸ «Коммунист», 1967, 25 октября.
- ²⁹ «Коммунист», 1973, 12 октября.
- ³⁰ Мой архив, лл. 1, 2.
- ³¹ Архив Г. В. Рассохина, л. 3.
- ³² «Волга», 1972, № 2, стр. 170.
- ³³ М. Горький. Соч. в 30-ти томах. Т. 26, стр. 223.
- ³⁴ Там же, стр. 88.
- ³⁵ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 6, стр. 658.
- ³⁶ Конст. Федин. Наровчатская хроника. Харьков, 1926, стр. 16.
- ³⁷ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 2, стр. 98.

- ³⁸ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 2, стр. 267.
- ³⁹ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 1, стр. 17.
- ⁴⁰ «Октябрь», 1955, № 8, стр. 152.
- ⁴¹ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 5, стр. 400.
- ⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 4—5.
- ⁴³ Там же, стр. 7.
- ⁴⁴ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 5, стр. 620.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 74—75.
- ⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 44.
- ⁴⁷ Конст. Федин. Как мы пишем. М., «Советская Россия», 1965, стр. 79.
- ⁴⁸ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 6, стр. 659.
- ⁴⁹ Творчество Константина Федина. М., «Наука», 1966, стр. 8.
- ⁵⁰ Там же, стр. 28.
- ⁵¹ «Литературный Ленинград», 1934, № 57.
- ⁵² Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 44.
- ⁵³ «Литературная газета», 1972, 23 февраля.
- ⁵⁴ Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 72—73.
- ⁵⁵ «Литературная Россия», 1965, 5 ноября.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ «Волга», 1967, № 2, стр. 30.
- ⁵⁸ «Правда», 1967, 2 апреля.
- ⁵⁹ Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 77.
- ⁶⁰ «Литературная учеба», 1930, № 4, стр. 117.
- ⁶¹ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 1, стр. 418.
- ⁶² «Литературная газета», 1952, 23 февраля.
- ⁶³ В. Бузник. Русская советская проза. Л., «Наука», 1975, стр. 173.
- ⁶⁴ А. Старков. Герои и годы. М., «Советский писатель», 1972, стр. 52.
- ⁶⁵ «Литературное наследство». Т. 70, стр. 506.
- ⁶⁶ Там же, стр. 512.
- ⁶⁷ Конст. Федин. Писатель. Искусство. Время. М., 1957, стр. 116—117.
- ⁶⁸ Там же, стр. 117.
- ⁶⁹ Стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда советских писателей. М., ГИХЛ, 224.
- ⁷⁰ «Литературный Ленинград», 1934, № 57.
- ⁷¹ «Литературный Ленинград», 1936, 8 апреля.
- ⁷² См. П. Бугаенко. Мастерство К. Федина. Саратов, 1959, стр. 48.
- ⁷³ М. Заградка. О художественном стиле романов К. Федина. Прага, 1962, стр. 55.
- ⁷⁴ А. Старков. Герои и годы, стр. 135.
- ⁷⁵ См.: П. Бугаенко. Мастерство К. Федина, стр. 51.
- ⁷⁶ «Октябрь», 1955, № 8, стр. 156.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ К. Паустовский. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 2, стр. 691.
- ⁸¹ «Правда», 1967, 23 мая.
- ⁸² Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 5, стр. 5.
- ⁸³ «Литературная газета», 1957, 1 января.
- ⁸⁴ А. Старков. Герои и годы, стр. 242.
- ⁸⁵ «Литературная газета», 1959, 18 апреля.
- ⁸⁶ «Литературная Россия», 1964, 1 января.
- ⁸⁷ А. Старков. Герои и годы, стр. 282—283.
- ⁸⁸ Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 6.
- ⁸⁹ «Известия», Сызрань, 1919, 5 марта.
- ⁹⁰ Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 40.

- ⁹¹ «Литературная газета», 1967, 22 февраля.
- ⁹² Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 92.
- ⁹³ Там же, стр. 9.
- ⁹⁴ Там же, стр. 51.
- ⁹⁵ «Литературная газета», 1971, 18 августа.
- ⁹⁶ Конст. Федин. Как мы пишем, стр. 14—15.
- ⁹⁷ Конст. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 6, стр. 558.
- ⁹⁸ К. Федин. Соч. в 6-ти томах. Т. 6, стр. 651.
- ⁹⁹ К. Федин. Горький среди нас, стр. 126.
- ¹⁰⁰ М. Горький. Соч. в 30-ти томах. Т. 29, стр. 445.
- ¹⁰¹ Сборник «Писатели». Л., 1926, стр. 313.
- ¹⁰² Н. Д. Баранова. М. Горький и советские писатели. М., «Высшая школа», 1975, стр. 165.
- ¹⁰³ Fedin und Deutschland, 1962, S. 266.
- ¹⁰⁴ «Москва», 1975, № 5, стр. 78—79.
- ¹⁰⁵ «Литературная газета», 1967, 24 мая.
- ¹⁰⁶ «Литературная газета», 1971, 3 февраля.
- ¹⁰⁷ «Литературная газета», 1975, 7 мая.

ЧЧ6755

СОДЕРЖАНИЕ

Детство и юность в родном городе	3
Связи писателя Федина с Саратовом	12
Саратов в творчестве Федина	23
Старейшина советских писателей, наследник и продолжатель дела Горького	42
Федин и современный литературный процесс	65
Примечания	68

8Р2

Б90

Бугаенко П. А.

Б90 Константин Федин и Саратовская земля. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1977.
72 с. с ил.

70202

55-77

8Р2

© Приволжское книжное издательство, 1977.

Павел Андреевич Бугаенко

**КОНСТАНТИН ФЕДИН
И САРАТОВСКАЯ ЗЕМЛЯ**

**Фотоматериалы из личного архива
Б. Л. Петрова**

Редактор Д. М. Гусева.

Художник А. Б. Бобров.

Художественный редактор В. К. Иванов.

Технический редактор Л. В. Андронова.

Корректор И. Д. Дудуева.

ИБ165

Сдано в набор 7.VII 1976 г. Подписано в печать 4.XI 1976 г. НГ54844.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл.-печ. л. 4,18+0,93 л. вклейки
на мелованной бумаге. Уч.-изд. л. 4,19. Заказ 1780. Тираж 15 000. Цена 37 коп.
Приволжское книжное издательство, Саратов, пл. Революции, 15. Производ-
ственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

